
Иосиф Бахшиев – Звёздное небо

Иосиф Бахшиев

ЗВЕЗДНОЕ НЕБО

Собрание стихотворений

Израиль – Россия
2019

Иосиф Бахшиев родился в 1948 году в городе Дербенте в семье колхозника. В 1966 году окончил школу с серебрянной медалью. В 1974 году окончил Дагестанский политехнический институт по специальности инженера-технолога, а в 1979 году Московский Государственный Университет им. М. В. Ломоносова, факультет журналистики и получил диплом журналиста - литературного работника газеты.

За прошедши годы опубликовал сотни своих материалов в городской, республиканской и центральной печати. Работал в штате ряда изданий: «Дагестанский университет», «Избербашский рабочий», «Огни Сулака», «Знамя коммунизма» и других... В последнее время работал в республиканской горско-еврейской газете «Ватан».

Первый сборник стихов на языке джуури «Сес дуълме» («Голос моего сердца») вышел в 1986 году в Дагестанском Книжном Издательстве, а в 1986 он принял участие в сборнике горско-еврейских поэтов «Ригаз чуйшме» («Луч солнца»). В 2016 году, Центром культурного и исторического наследия горских евреев «Sholu-mi» при поддержке Фонда СТМЭГИ был выпущен авторский сборник стихов Иосифа Бахшиева «Тозе рубаигьо / Новые рубаи» куда вошли четверостишья на джуури и русском, в 2017 сборник «Пьесегьо» с пиесами на джуури, а в начале 2018 поэтический сборник «Вольные стихи» на русском и в конце года «Ихдилотгьо» с рассказами на джуури.

Иосиф Бахшиев / Звёздное небо / Сборник стихотворений
Печатается в авторской редакции.
Израиль – Россия, 2019 год.

Двое бонз

1

Он фанатичен, немощен и бронзов,
Он поклоняется молча.
Отвлечь от Будды его не хватит монгольских полчищ-
Он буддистский желтоокий монах. Бонза.
Наряди его комедиантом,
Желтолицым в черном халате –
Молчание стало его талантом,
Сердцем пустоты - его характер.
Отлей его в бронзовую фигуру
Посади неподвижного за витринным стеклом
В многоликом лице увидишь желтую фактуру
И поймешь, что сплавлены три металла бронзовым стихом.
Три лица у великого Будды, только три.
Молчит он и молчит желтый бонза.
Двух молчащих диалог – веры величайший алгоритм,
Но сдвинешь две фигуры – в тоске зазвенит бронза.
Скачут великие в кровавом пламени чингизиды.
Монах неподвижен. Его могут только дорезать.
Скажи, бонза, был ты живым? Знал обиды?
Искусство отлито в бронзу. Жизнь звучит в железе.
Великая неподвижность передается в мир от Тибета,
Это великому миру бронзовым тоном приговор.
Все песни придуманы. Все песни спеты,
Молчание переходит только из взора во взор.
Бронзовые Гималаи ведут нас кровавым путем.
Все вершины захвачены бесконечно.
Бронзовый бонза убит сумасшедшим ключом,
Из неподвижной спины торчит, раскачиваясь,
наконечник.

Ты войдешь к страшному начальнику,
И закроется вокруг вас двоих кабинет.
Ты обращен к нему, как рукописная книга –
к первопечатнику.

Он неподвижный и белый. Ты вертлявый брюнет.
Мир не узнает о вашем тяжелом разговоре.
У тебя будут неприятности. Ему останется боль.
Почему же он должен разбираться в твоём вздоре?
Почему тебя не касается его историческая роль?
Ты будешь ходить в чужие места по своим делам,
Он будет заниматься в своем кабинете чужими делами.
Но против тебя все начальники и каждый – хам,
А ему огромный штат поклоняется, как далай – ламе.
Ответственность за них, доверчивых,
навалена на него горой,
Твоя жизнь заведенный маятник, будни твои – дым.
А он не потому, что начальник, а потому что один- герой.
Наедине с тайным одиночеством своим,
Но каждый входящий посетитель – вражеский воин,
И каждый будет его терзать, а он корректным быть обязан.
Внутри себя он знает, что мал, но мир его раздвоен,
И благородным негодованием дышит каждая его фраза.

* * *

Мое последнее сокровище,
Моя печальная мечта,
Румянец брызжет алой кровью щек,
А взгляд как резкий блеск меча.
Я тоже молод был, мне помнится
Рассветом озаренный путь,
И жизнь молчала, как паломница,

На землю не роняя пут.
Я вижу молодость. Дорожная
Над головой пылает пыль,
Сияет солнце настороженно,
Вселенной желтый нетопырь.
А после вспыхнут раны поздние
И сердце обожгут огнем,
Мечта неугасимой осени
Осыплет листья за окном.
Душа заботами изранена
И льется над землей закат,
И в тихом доме на окраине
Я стану память развлекать.
О, сердце, ты исполосовано
Моей великой немотой,
Но небо жизни разрисовано,
Неосторожною мечтой.
Но на закате жизни женственно
Твой взгляд обволокет меня,
Не ведаю тоски божественной,
Не помню нежности огня.

* * *

Когда души твоей коснется
Закатный луч моей любви,
Когда осмелишься доверить,
Свою судьбу моей судьбе,
То в миг прозренья от гордыни
Освобождения от лжи,
Пусть будет жизнь твоя единой,
Как сердце слабое мое.
Летят миры, уходят люди.
Движенья цепь не разорвать.

Вот солнце падает за горы.
Восходят звезды за моря.
Идут года и с каждым шагом
Печальней наша суета.
Но если счастье достижимо,
И если радость не обманет,
И если можем мы стать выше
Самих себя в какой-то миг.
Благословляю годы горя,
Прощаю страшные обиды
И обещаю быть послушным
Любимым людям.
Если ж нет,
Я прокляну свои заботы,
Я не прошу своих ошибок,
Я пожалею, что однажды
Явился в этот горький мир.
Но как узнать? Молчит планета.
Ночь безмятежна. У вселенной
Свой, неизвестный нам закон.

* * *

Какая короткая пьеса
Сегодня идет на земле,
Ни строчки не хватит для песен,
Ни света не будет к зиме.
Какие пространные речи,
Как мало для правды друзей,
С годами я меньше перечу
И к старости стал я грузней.
Бездарный, истрепанный автор,
Избитый и скучный сюжет,
Мы снова нуждаемся в правде,

Но хватит ее нам? Ужель?
Мы истиной вновь недовольны,
И все же не терпим вранья.
Смеемся, поскольку нам больно
И плачем, улыбку храня.
Кричим, озираемся, терпим,
Не ведая счастья в пути...
Пресыщен я действием терпким
Планета, молю, отпусти.
Простите мне, братья – актеры,
Прощай, ненасытная смерть,
В космическом черном просторе
Я встречу безмолвия смерч.
Годами я не был в театре
С названием громким: Земля,
Я встречу назначу на завтра
Любви на борту корабля.
Я в жизнь обращу нашу драму,
Хоть космос пустынный угрюм,
Потребую счастья упрямо
И станет планетой наш трюм.

* * *

Ты свою любовь дала мне,
Как медяк кидают нищим.
Как собаке кость бросают,
Как изорванные туфли
Из окна бросают наземь.
Ты свою любовь дала мне
Равнодушно и безгливо,
Может, чтоб меня унижить
Или чтоб собой гордиться.
Ты мне в чувстве отказала

И свою лаской жалкой
Обокрала ты меня.

* * *

Я сегодня рисую портрет
Нежным словом и жестом ласковым.
Так тобой излученный свет
Это сердце вовек обволакивал.
Даже в звуке холодного «нет»
Как дыханием счастья неслыханным
Ты согреешь меня наконец:
Ах, судьба, улыбнулась бы тихо нам.
Непослушны любимой черты
Языку от волнения корявому.
Звезды памяти древней мертвы:
Вместе пили обмана отраву мы.

Не тебе посвящаю слова,
Но прекрасному чувству нездешнему,
Я не в этих краях целовал
Краткой жизни бессмертную женщину.
Я и сам изменился с тех пор,
Словно лес, обмелевшее озеро,
Как пустой полустанок степной,
Где в лесу я для женщины розы рвал.
Как давно отцвели те сады,
Сколько дней наших кануло в омуте,
В новом мире земной тесноты,
И красива уже по-другому ты.
Так какой предпочесть мне портрет,
Чтобы сердца движение точное
Не сокрыл моей юности бред?
Песни – чувств переводы построчные....

Позывные любви

Я люблю человека грядущего дня
Не за то, что он будет умнее меня,
А за то, что он будет потомком моим,
Только он не увидит меня молодым.

Я люблю твое завтра, планета Земля,
Не за то, что запомнишь мои вензеля,
А за то, что останусь я сыном твоим,
Хоть уже никогда мне не быть молодым.
Нет, уже никогда молодым мне не быть,
Чтоб морями земными в грядущее плыть.
Повторяется все только юность одна,
Но бессмертна моя молодая жена.

И за то, что дала мне планета любовь,
Я люблю мою Землю. Во веки веков
Не стареет планета, скользящая вдаль...
Не забыть и зимою цветущий миндаль.

Стихи о декабристе Бестужева-Марлинском

В краю, где так редко случается стужа,
Где зреют гранат и миндаль,
Жил года четыре писатель Бестужев,
Скрывая по дому печаль.
В краю благодатном мечтал о России,
Там старая мать и друзья,
И нет исцеления от ностальгии,
И плена избегнуть нельзя.
В кровавых боях полегли декабристы,
Другие упрятаны в глушь.

Бестужев, Бестужев, хоть как ни храбрись ты
Упрям самодержец и злющ.
Но все же бессмертная слава поэта
Сильнее обиды и зла,
И помнят старинные стены Дербента
Расцвет твоего ремесла.
И муза твоя не пылится в архиве,
И знают потомки хазар,
Что песни ашуга славянского живы,
Что песне не страшен пожар.
А подлая пуля не думает долго
И вновь торжествует Сенат:
Расколото сердце поэта на дольки,
Как будто багровый гранат.
Но мать проклиняет удачу убийцы
И войны теперь не в чести.
И помнят в стене крепостные бойницы
Прощальное слово: прости!

* * *

Ах, какое старое истрепанное слово-
Муза размышления, мать моих стихов.
Если даже мир весь грубо размалеван,
Он в стихах сверкает музыкаю слов.

Друг мой отвернется, тяжким камнем бросит,
Дружба обернется черствой немотой.
Муза все же тянет и по миру носит,
Муза, моя Муза, ты всегда со мной.

Вдруг меня забудет женщина живая,
Выбросит из сердца образ мой простой.
Муза все ж запомнит, вдаль зовя, играя,
Муза, моя Муза, ты всегда со мной.

В черный час случится в этой жизни горе,
Потеряю дом свой, все отдам врагу.
Муза не покинет, поведет по морю,
Потому что Музу я уберегу.

Но как ясно сердцу, что и боль, и счастье
Дружба и забвенье, и любовь и зло,
Лишь бессмертной Музы составные части,
Значит, это – чувство, а не ремесло.

* * *

Любовь никогда не была грехом,
Но только любовь повторить невозможно,
И даже измерить ее стихом
Были попытки мои безнадежны.

Белая музыка грусти былой,
Черные звуки беспечного счастья,
Словно искромсано боли пилой,
Сердце, омытое кровью, как страстью.
В пестрой сумятице жестов и слов,
Слышу мелодию прикосновений,
Тщетно размахивать мысли веслом
В вечном течении звездных мгновений.

* * *

Я розы не просто растил. Я, как девушек в
бархатных платьях,
Любил эти розы, все кучей на рынок свезли вы,
А был я садовник,
лишь рыцарь в изодранных латах,

Лишь бедный садовник,
лишь нищий садовник счастливый.

Свезли мое чувство, свезли мое счастье на рынок.
О, память моя, ты сосешь мою кровь, как пиявка.
И детство мое, и заботы традиций старинных,
Раздали поштучно, продали беспечно с прилавка.

Как не жили сердце багровым своим ароматом...
Уж лучше б те розы раздали всем нищим бесплатно.
Нет, я не богач, но в саду этом был я богатым,
Да, нищий садовник, да, рыцарь в изодранных
латах.

* * *

Какой живот и телище
И в жестах секса пластика.
А завтра мир как стрельбище,
Лежит земля под свастикой.
Как шлюха подзаборная,
Планета стонет истоиво.
Ложь торжествует вздорная,
Позорно брюхо выставив.
Победы зверства временны,
Но гитлеры бесполоые
Не сделают беременной
Планету сил исполненных.
Мир вновь восстанет молодо,
И змеи передавлены,
Разбиты танки молотом.
А пули переплавлены.
Мы в жизнь пришли для радости,
И мир мы оборудуем,
Чтоб утра человек достиг,
Будь даже стих орудием.

* * *

Если слабых никогда не обижал ты,
Милый, ради бога – здоровей!
Беспощадно змей безумных жальте
Ради счастья наших деревень.
Если обнаглел вконец насильник,
Если человек ему – носильщик,
Если не желает быть рабочим,
Разве стыдно дать ему отпор?
Не в лесу мы, в жизни, между прочим,
Не к лицу естественный отбор.
Только помогая самым слабым,
Нужно дать бездельнику по лапам.
И трудом наказывая вора,
И с врагом любви великой споря,
Человек не испытает горя:
Здесь – не за чертой незримой моря
Счастье наше, и любовь, и свет:
Это забывать нигде не сметь!

* * *

Сквозь сон, в раздумьях, наяву
Друзей своих я окликаю,
Из сердца горе извлекаю,
Ласкаю мертвую траву
И снова вроде бы живу.
Уходят годы в синеву,
Не от ошибок отрекаюсь
И не в грехах от века каюсь.
Руками прошлое ловлю,
И снится вновь любовь смешная,
И снова не пойму, не знаю,

За что ту женщину люблю.
Куда-то время тороплю,
И кровью красной истекаю,
Из сердца счастье извлекаю,
Как будто вновь не понимаю,
Что жизнь поспешностью гублю.
Сук под самим собой рублю,
Ругаюсь, плачу и люблю,
Во сне, в раздумьях, наяву
Топчу бессильную траву
И снова вроде бы живу.

* * *

Создайте новые миры.
Заселяйте дальние планеты.
Равнодушно трогайте монеты.
Будьте человечны и мудры.
И тогда уже никто не скажет:
мало видел в жизни доброты.
Даже злобу в правду обрати,
подлости не замечая даже.
Станет мир тогда совсем иным.
Враг поможет. Глупый поумнеет.
Самый злой внезапно покраснеет.
Снизойдет мечта к сынам земным.
Все, что в этом мире происходит,
собственной рукой мы создаем:
Душу отдающие в наем
попирают таинства природы.
В нашем мире есть для счастья все.
Облако несет дождя прохладу.
Солнышко согреет нашу радость.
И любовь приходит даже в сон.

И хотя пойдем мы счастья цену,
и себя сумеем изменить,
Станет мир любовью знаменит,
засверкает песней вдохновенной.

* * *

Голоса друзей далеких
И врагов безумно близких –
Образы в усталых строках,
Памяти и обелисках.
Помнить прошлое дано мне,
Сыну века золотого,
Все, что я люблю и помню –
Отраженье чувства злого.
Ненависть к врагам прогресса,
К человечества ублюдкам
Излучила строки песен,
Склонность к невеселым шуткам.
О. иронии подарки,
Я рожден непримиримым,
Чтоб за правду пелось жарко,
Не чадя покорно дымом.
Не бессильное веселье,
Не грешок притворной злости,
Жизни роковая келья,
Чувств неслыханные горсти.
Наземь радость не кидаю,
Сердце не дарю вельможам,
Просто юность покидаем,
Дав народу все, что можем.

* * *

Звезды порою похожи на розы,
Розы печальны, как красные слезы,
Слезы как крови тяжелые капли –
Голос любви во вселенную вкраплен.
Носятся яхты над синим простором,
Словно раздроблено сердце раздором,
Боль и надежда от века враждуют
И одиночество наше врачуют.
Воздух сгибает покатуя спину,
Словно пропитанный жгучею синью,
Путь во вселенной томительно долог,
Здесь неизвестность нависла, как полог.
Все наши радости ранами скрыты,
Влага слетает сосульками с крыши,
Звезды над нами багровы и рыжи...
Что-то мне снится и что-то я вижу.

* * *

Вернись в мое сердце, бывая мечта,
Звенящая в схватке щита и меча,
Вернись навсегда, отзвучавшее чувство,
Иначе умрет человек и искусство.
Мы были когда-то с тобою чужие,
Бросаясь словами, и смехом, чудили,
Но верили в свет и любовь. Не чадили,
И звездные нити на небе чертили.
Тогда нас томила познания легкость,
Вода в океане казалась по локоть,
И пелось отлично, и сладко спалось...
Но много обещано – мало сбылось.

* * *

Летят ветра над пепелищем,
Который год гремит война.
Давай героев вновь поищем,
На щит поднимем имена.
Живет далекое былое
В сердцах солдат и в толще книг
Не ампутировать пилою
Ни раны их, ни долгий крик.
И в наши дни война восходит,
Чтоб опасеньем сердце жечь:
Мир в годы мира превосходит
И мы должны его сберечь.

* * *

Ночные звуки. Лай собак,
Дыханье ветра за стеною.
И сна идущего соблазн,
И дома стойкое становье.
За годы жизни кочевой
Нельзя покою научиться,
Покуда путь не кончен твой,
Летит в пространство Наутилус.
Лечу опять сквозь времена
И жизни желтые пространства,
И светит на ковре луна,
Чтоб родником мне представляться.
Но каждой ночью в этот час
Мне снится жизнь моя былая,
И Гамлетом в краю датчан
Я изумленно пребываю.

И вспоминая каждый миг
Своих ошибок и открытий,
Я знаю, что меня томит,
Какой мне снится укротитель.

* * *

Кровью облиты страницы правдивых
И гениальных книг,
С раннего детства я в сердце придвинул
Лондона смех и крик.
Вечное слово великого Джека
Переживает века,
Словно беседует он с человеком
В нимбе лавровом венка.
Доброе сердце, честное слово,
За человечность бой.
Передо мной вырастает он, словно
Снова Джек Лондон живой.
Множество троп и дорог у бродяги –
Он изберет одну,
Слову отдав и любовь, и отвагу,
Звонкую сердца струну.
Сотканы четкой и трепетной вязью
Правды живые слова.
Спасибо, товарищи, ваши рассказы –
Перец, а не халва.
Жизни достоин Джек Лондон за правду,
За вдохновенный бред –
Вечный бродяга талантом оправдан...
Как не бывало бед.
Солнце восходит, рождаются люди,
Веря в свои права,
Не согреши, человек, словоблудьем,
Знай и цени слова.

* * *

Я к тебе обращаюсь, концлагерей
Несломленный зверем узник,
Войны мировой пожар догорел
В преданьях народных, устных.
Гуляет по спинам дубинка и плеть,
Кошунственно радость снится,
А смех под запретом, «хотя б околеть», -
Твердишь: изболелись мышцы.
Мне стыдно порою представить, что есть
На свете еще фашисты,
Последыши Гитлера, подкуп и лесть,
И небо над Чили чисто.
Испания, разве ж твой гордый народ,
И вы, патриоты Чили,
Смириться смогли? Вас вновь продает
Диктатор – его научили.
Чили коварству, уменью пролить
Над миром дождем кровавым
Страдания людские, чтоб жрать и кутить,
Бесчинствовать над караваем.
Твой труд, хлебопашец, твой горький хлеб
Поганит фашистов свора...
Но верю: народ ненадолго ослеп,
Придет справедливость скоро.

* * *

Пусть любовь моя станет канвой
В твоём пути по вселенной,
Чтоб чувства и веры почетный конвой
Помог вдалеке от столиц и селений.
Восходят на небо Полярной звездой
Любви этой ориентиры,

Хотя не заменит созвездий зной
Уюта земной квартиры.
Ты вспомнишь дорогу на дальний юг,
Когда обжигает север
Холодным дыханьем полярных вьюг
И снежным, бесплодным севом.
Закружат душу твою ветра
Среди ледяных торосов
И станет сниться тебе до утра
Восход: то ли желт, то ли розов.
Для нашей встречи настанет час,
Ты копишь любви улики...
На улице мерзну, в окно не стучась,
И верю твоей улыбке.

* * *

Помаши мне рукой издалека,
Крикни слово, чтоб мне услышать
Смелой птицы воинственный клекот,
Отраженный стократно в стихах.
Ты красива, как гордая птица,
Если хочешь тебе уступлю,
Но любовь моя нет; не приснится:
Я людей, а не птицу люблю.
Но когда я скажу: победила,
Я пощады прошу, отпусти
Станет жизнь одинокой постыла.
Победила! Но сети пусты.

Вариации

Дерево срубили на дрова,
Почему печальна эта участь –

Отдавать тепло, горя и мучась,
И померкнуть, посветив едва?
Счастье жить испытано сперва,
Но уже трещат в огне поленья,
Жизнь уходит в это исступленье,
Умирает неба синева.
Умирает речка и трава,
С деревом уходит все живое,
Сок стекает, в дыме волком воя,
Дерево сгорает, как дрова.
Это смерть живого существа,
Замыкая мировые связи,
Дерево для нас убито сразу,
Жизни согревая острова.

* * *

Бери библейские сюжеты,
Чтобы безбожье воспевать,
Как будто пережил уже ты
Все, что придумано сперва.
Потом из сказок полудетских
(Хитрее сочинял Бажов)
Сложили зданье веры, дескать
Мир создан волею божков.
Свою невольную свободу,
Планеты вольной благодать
Сковали низменной заботой,
Чтоб о неведомом гадать.
О, сказки, ваш полет крылатый,
Ума могучую мечту
Хотел бы я воспеть сонатой,
Но что я в библии прочту?
Что было автора игрою,

Что было прихотью ума
Безумный дым костров покроет,
Схолостов омрачит туман.
Так жест беспечного Навина
Свет остановит на века,
Чтобы пролилась кровь невинных,
Чтоб гнев на Бруно навлекать
Идеи горькие тенета,
Средневековия тюрьма
Томили темную планету,
Построив храмов терема.
Я знаю, правда станет былью
И мы по – новому прочтем
Как ангелов носили крылья,
Как сатана махал мечом.
Но не вернуть тысячелетий,
Затраченных на фетиши:
На слово отвечают плети
И нет свободы для души.
Назначен ад до самой смерти
И рай утрачен на земле...
О, люди! Забывать не смейте
Героев, скрывшихся в золе.
Сожженные за слово правды,
За смелый крик, за честный взгляд,
Как вас увидеть на параде,
Где всех людей благодарят?

* * *

Я напишу тебе письмо,
Вложу его в конверт без адреса,
Читай, любимая, и радуйся,
Прощайся с белою зимой.

За каждый слог любви моей,
За все, что пережито ранее,
Я подарю тебе старание
Быть не красивой, а милей.
Пусть отразится мир в твоих
Глазах, что вечности правдивее,
Чтоб это чувство нерадивое
Не разлучало нас двоих.
Мерцают звездные миры,
Лучи у ног ложатся тропками,
Мы в первый миг бываем робкими –
Не потеряй любовь, смотри.
Прошу внимания, пишу,
Стихи тебе, читаю шепотом,
Я б с братом поделился опытом,
Доверившись карандашу.

* * *

Устав от лживых слов, от лицемерных писем,
Завидуя Гагарина судьбе,
Посмей перешагнуть заоблачные выси
И смысл миров откроется тебе.
Когда земля твоя вот-вот потонет в грязи
И устает твой взгляд светиться сквозь туман,
Не предавай мечты невозвратимой фразой,
Любовь души бессилием томя.
Летит планета в будущее счастье,
Грядущей радости ничем не осквернив.
Жить по- иному смей уже сейчас ты:
Потомки только истине верны.
Встают леса и реки полноводней
И с каждым шагом истина сильней,
Как это небо древнее сегодня

Сумело стать просторней и синей.
И человеку среди звезд далеких,
В сияющей бескрайности души
Путь установлен, начатый в истоках,
Случайные созвездья потушив.
Вселенная зажгла ориентиры,
Чтоб человек достиг своей мечты.
Летят в мирах московские квартиры,
Бессмертным светом окна замочив.

* * *

Возвели дерьмо на пьедестал,
Приказав хранить и поклоняться,
Униженье глупости под стать,
Рабский дух не различает наций.
Но когда у трона засмердит,
Даже самый ревностный вельможа,
Не стерпев обиды, завопит:
«Убери дерьмо, великий боже.»
Лучше хлеб, вода и чистый воздух,
Чем река вина и холм икры,
Что вкушает при нечистых водах,
Нос от омерзения прикрыв.

* * *

Самолета нервное крыло
Вдрогнуло, наткнувшись на звезду.
Между тем над миром рассвело,
Первый луч уткнулся в борозду.
Жатва солнца будет непроста,
Ястребом качнулся самолет,
Расколосась мрака береста,
Запылало желтое смолье.

Звездный бисер синих городов
Заслонил полета крутизну,
И дугой согнувшись, горизонт
Пропустил под аркою весну.
Стаей галок черных гомоня,
Люди пробежали по жнивью.
Ты прости, земля моя, меня,
Что вдали от дома я живу.
За мечты безумье не кляни,
Слушая чужого соловья:
Перед сыном небо наклонив,
Кружится планеты голова.

* * *

Восходят звезды, восходят сны,
Спешат к рассвету ночные тени
И опустились на колени
Деревья в цвете любви и сил.
Сегодня ночью рождается жизнь,
У дома замерли ступени,
И бьются звезды, как рыбы в пене,
Морские волны взметают в высь.
О, жизнь моя, моя жена
Не избежать мне снова плена,
Я слышу в сердце, как вдохновенно
Пылает песня, пока жива.
Дневные звуки, деревьев треск,
Движенье солнца, оно нетленно,
Как невысоки деревьев стены,
Что окружили зеленый лес.
И в жаркий полдень, коснувшись дня,
Увидишь мира живую сцену
И каждой вещи назначишь цену,
Но потеряешь навек меня.

* * *

Был у меня товарищ, простой,
Как ясный солнечный свет.
Спорил со мной, говорил: «Постой,
Погляди и увидишь след.
Каждый твой шаг словно простой
Жизни в движенье лет.
Дом тебе нужен – возмись, построй,
Не твой ли весь белый свет?»

Я жил на единственной в сонме планет
В безмерности мира пустой,
Рассматривал сердца походный планшет
И воздуха пил настой.
Но рядом того товарища нет,
Как он ненавидел звучанье монет
А был он по счету шестой.
И в мире царит застой.

* * *

Навстречу двери распахнули настезь,
А он входить не хочет.
Все хором потчуют его: возьмите ж! нате ж!
Он лишь хохочет.

Пред носом двери затворили плотно,
Он тычет носом дверь
И к яствам рвется бешеною плотью,
Как ярый зверь.

А кто-то рядом хладнокровной тушей
Не шелохнется, как стена за вами,
Посмотрит если – только равнодушно,
А двигаясь, зевает.

Все где-то зазывают, прогоняют
Печалются, смеются, сводят счета.
Тебя обидели? Иль, может, проклинают?
Признайся: кто ты?

Сплетение привычек и пристрастий,
Единоборство цели и судьбы –
Я знаю, в жизни радость и несчастье
Во все века слепы.

* * *

Любят безраздельно,
 любят страстно – только ночью,
Преступления страшные свершают – только ночью.
Тишина необычайна,
 тишина царит над миром – только ночью
Сердца стук безумный слышен - только ночью.

Не показывай врагов моих – устал их видеть,
Песней нежной лгать не надо – надоело,
Покажи хоть раз мне Друга – по друзьям тоскую,
Сделай то, чего хочу я, буду счастлив.

Нет такого языка, чтобы всю печаль излил я,
Нет такого уголка, где б любовь не продавали
Нет такой страны на свете, где б о родине забыл я.
Но таким презреньем дома, только дома наделяют.

Когда устанет сердце биться,
 когда в борьбе я стану слабым,
Ты утешь меня надеждой,
 песни пой, дурмань обманом,
Но потом опять воспряну, позабуду раны в сердце,

Выйду в бой,
как будто прежде никогда убитым не был.

В сутки сотни раз меня предавали, били ложью.
Сотни раз швыряли грязью в утомленное лицо.
Но меня хранили вечно от опасности безмерной
Лишь надежда, вера в правду,
вера в истину и жизнь.

Убит солдат в борьбе за правду –
придут другие, что сильней
Уходит день во мрак навеки,
но будет много новых дней;
Скончалась жизнь, проходит все,
эпохи над землей сменяя,
Но остается вечный бой за новый день, за человека.

* * *

Известно много граней мироздания,
Есть в жизни цель и достижение цели,
Природа и отдельно – человек,
Мечта о счастье и утрата счастья.
Что предпочесть, не спрашивай меня.
Предпочитай свободу – преступленью,
Которое свершают против блага
Всеобщего во имя блага личного,
Против людей свершают, против правды
И неизбежно предают себя,
Свою мечту, свою свободу, грусть свою,
Свои потери, что дороже счастья.

* * *

Рука, ласкающая древо,
Коснулась сердца моего.
Закрыв глаза, могу представить
Что вечер этот – час свиданья
Моей любви, любви бессмертной,
С далекой юностью моей.
Рука ласкает наше счастье
И наше горе согревает
Пожатие руки надежной,
Столь слабой, нежной и беззвучной,
Что может стать как бы кольчугой
Щитом для сердца моего.
Для сердца, что открыто бурям,
Что может плакать и смеяться.
Порой над радостью заплачу,
Порой смеюсь над жалким горем,
Пусть оно мне боль доставит,
Но память загубить бессильно.
А в памяти я вижу снова,
Как узкая ладонь девичья
Ласкает древо, словно брата.

* * *

Я не просил у вас пощады:
«Люблю врага, не обессудь»,
При встрече говорил: прощайте,
Прощая, видел вашу суть.

Не мелочны, и не корыстны,
Вы позабудьте обо мне,
Чтоб стало пусто в этой жизни,
Чтоб вновь увидеть, обомлеть.

Ты тот ли? Я была слепою:
Труслив, я думала, ты смел.
Я просто не шутил с любовью,
Любил безмерно, как умел.

Я изменил свой облик бедный,
Позолотился мишурой,
Ты вновь слепа, обманом бредя,
Пойми, теперь лишь я чужой.

Слуга твоих былых сомнений,
Твоих пустых желаний раб,
Я знаю, образ твой изменит
Сверкающий любовью ямб.

И я увижу сон старинный,
Увижу счастье двух детей,
Срывающих под небом синим
Цветы безоблачных затей.

Нам годы принесли заботы,
Иными стали мы на вид,
Но только тот достиг свободы,
Кто знает тысячу обид.

Кто через годы испытаний
Сумел пройти и уцелеть,
И мелочность не запятнала,
И щедрости – не оскудеть.

* * *

Ночи стали длинней, а разлука – короче,
Песни страсти поем, а кому – неизвестно.
Наши песни услышав, иные запляшут,
Будут плакать иные, потом позабудут.
Этим песням звенеть и зимою и летом,
Голос сердца один, а само расколосось,
Чтобы верными быть научились мы оба.
Гневно сердце звенит, голос плачет напевно,
Нежность в песне слышна, а разлука безбрежна,
Плачет сердце мое, как ребенок незрячий.
Вера вечно влечет, вновь запахнуты двери,
Только путь предо мной, и прекрасный, и долгий.

* * *

Мне больно, если слово вдруг
Становится незначащим.
Мне грустно, если в слове нет
Великих честных чувств.
Мне страшно, если вспыхнет в нем
Неискренность предательством,
Когда бессильно слово, мне
Больней за все вдвойне.

Я жизнь читал не по складам,
Но книгу бытия
Нельзя глазами пробежать
И чтобы вникнуть в суть
Стремился слово я познать
В едином русле чувств.
И слово было для меня
Звездой ночей и солнцем дня.

Я знаю хитрых шептунов,
Умеющих молчать,
Они, достойные на вид,
Могли бы превзойти
Любого болтуна, когда
Не слышит их простак.
Испытано их слово мной,
Как звон в ушах, как смертный зной.

Немало было слов иных,
Они порою кажутся
Прекрасней черного вина,
Вкусней любого лакомства,
Но в речи той лишь внешний блеск
Обманывает нас,
Но как в стакане видно мне:
Таится сладкий яд на дне.
Мы силу слова познаем,
Когда теряем иль находим
Друзей великих и врагов
Под маской человечности,
Но если что-то ты сказал,
Последствий надо ждать.
Я сам отвечу, за меня
Никто не испытал огня.

Но в этом мире слов и тел,
Великих дел и безучастья,
Я слово выбрал навсегда,
Чтоб жечь или ласкать,
Поклявшись в чистоте хранить
Слов золотые зерна.
Хочу, чтоб сказанное мной
Взошло в сердцах сквозь перегай.

* * *

Как море – соленой водой,
Глаза, полны печали вы
Счастья челнок золотой
К сердцу не причаливал.

С милой своей хоровод
Тайно во сне ведя,
В море соленых вод
Шарил я слепо неводом.

Волны метались ран,
Сердце о рифы сточено:
Я потерял талисман
Рыбки той позолоченной.

Но из морских глубин
Голос мне слышен издавна:
Все, что не долюбил,
Будет стихами издано.

Шутка, ты так стара,
Я отвечаю выкриком:
Вышел бы в мастера,
Если не стал бы лириком.

Все я могу наверстать,
Только одно развенчано:
Прошлого не сверстать
Лучшему из газетчиков.

* * *

Не погасишь пламя ты,
Как бы ни потел,
В беспощадной памяти
Сердца на плите.

Розы сообща срывать
С одного куста –
Словно сейф обшаривать,
Каясь и грустя.

Пусть забудет отчество
Мой прекрасный сын:
Если одиночество,
Значит, ты один.

Жили в мире славно мы,
Честные, как свет,
Пусть закрыты ставнями –
Не за что краснеть.

Счастье – не надомница,
Счастье – сердца боль.
Все, что было, вспомнится,
А забудешь – роль.

Мольба

Не дай мне бог в последний час
Узнать твою беду, Кипренский,
И звать друзей в бреду мечась
Пред ликом вечности вселенской.

Не приведи пути итог
Означить немотой бессильной,
Как ты, Хайям – не царь, не бог,
Но гражданин земли старинной.

Прошу, как милости, себе
Познать вражды и дружбы цену
И быть не щепкою в судьбе,
Не громоздить мечту на сцену.

Пусть я родился не большим,
А просто чистым человеком,
Я ненавижу фальши дым,
Шагая в ногу с новым веком.

Моя душа во всем одна,
Властительно, неумолимо
Я к звездам голову поднял
И не стремился стать хакимом.

Пусть вера озаряет ночь,
Пусть радость приобщится к утру –
Смятенье, слабость, трусость – прочь!
Привет тебе, потомок мудрый.

* * *

Летают мотыльки. Дрожат на стеклах тени.
Неведомых цветов опасен аромат.
Сегодня день любви, и всадник на арене
Гарцует не спеша, и зрители шумят.
Настала ночь стихов. Листва одета мраком.
Таинственных цикад звучит незримый хор.
Невидимый нарцисс сплетает корни с маком.

Земля поет, томясь. Рассвет сползает с гор.
Я вспомню эту ночь, когда начнется утро,
Пойму, что молод был каких-то два часа.
Но кто успел впотьмах мне волосы попудрить?
Как ясно мне, что ночь ушла еще не вся.
Оставила луна серебряные нити,
Отпетая душа несется наобум.
Но все, что я люблю, горит опять в зените
Задумчивых стихов и окрыленных дум.

* * *

Я вспоминаю молодость твою,
Быть может, хуже помнишь ты сама.
Но жизнь твердит: покорствуй или вой,
Бессмертья не придуман талисман.
Есть времени жестокие резцы,
Морщины словно след любовных ран.
Ударит жизнь: прими иль отрази,
Но в память проникает все ж туман.
Так смену поколений не сдержать,
Вновь юноши уходят на посты,
Лишь жизни не помогут сторожа,
И вновь глазницы старости пусты.
Прости меня, мой одинокий сын,
Нам трудно столкнуться, твой черед
Жить против смерти, автором картин,
В которых жизнь из тесных рамок бьет.
Нет, жизнь моя продолжится не зря,
Я верю в мира радужный рубеж,
Когда все люди на земле друзья
И не кричит никто: убей, зарежь.
Приносят в мир надежду сыновья,
Пусть для любого будет как закон:

Одна лишь песня – песня соловья,
Военный марш потомкам незнаком.

* * *

Когда-то в дальние века
Я молод был и резок,
Казалась ручейком река
И точкою отрезок.
Но незаметно повзрослев
И став слегка незрячим,
Веду беседу нараспев
И облик мой невзрачен.
Но слову вновь не изменю.
Не став метрдотелем
Не извлекаю из меню
Заказов, грешным делом.
Тридцатилетний юбилей
Отметил честным словом:
Я не считал чужих рублей
Под честности покровом.
Чужого счастья не искал,
Довольствуясь немногим,
И слабых не держел в тисках,
Давал проход безногим.
А все безумные грехи
Просты и объяснимы.
Приходят не ко мне стихи,
Но прихожу я с ними.
Пускай святые мне простят,
Но кровь в тяжелых жилах,
Как море, чувства бороздят,
Таясь от слов постылых.

Одиноким поэтам Дербента

Ветер дерево ломает,
Стонут под землею корни,
Но стволы, устало маясь,
Буре бешеной покорны.
Коль захочет, разбросает,
Ветви над землею черной,
Позабудет адреса их
Сердце родины упорной.
Нет, не сердце – бессердечья,
Равнодушия обман,
Лучших сыновей увеча,
И певца лишая речи.
Вечер падает на плечи,
Дерева сгибаая стан.

* * *

Пока мне непонятен мир высокий.
Плывущий солнцем с древнего востока
На запада измеренный предел,
Мне звезды голубые не наскучат.
Разодрано пространство и трескучий
Рассвета луч в глаза мне мир продел.
Звенит земля, работы филигранной
Стоит вершина и с рассветом грянет
Всемирный труд в багряный барабан.
Снедает нас тоска об уходящем,
Как тень звезды.в душе моей скользящем,
Чтоб сны былые снова истреблять.
Колдуют долго пламенные зори,
Чтоб высечь искру в человечьем взоре
Желаньем жить и жаждой постигать.

Бежит планета черною пантерой,
Теряя солнце, не мирясь с потерей,
Чтоб вновь терять и снова наступать.
Быть может, этот путь необратимый,
Родившийся из тьмы, огня и дыма,
Бессмысленным казался мне когда
Не человек живущий во вселенной,
Твердит он этим фактом несомненным,
Что смысл имеет космос, мгла, звезда.

* * *

Иду опять по склону рыжих гор.
Тропа петляет. Лес, сплетенный чащей,
Усталой наготой мне ранит взор...
Я полон песней, о любви, кричащей,
Стихами, смутно бьющими во мне,
Печальным чувством и сознаньем света,
Упавшего на скопище камней.
Природа воздвигает парапеты,
Под ними время плещется, но мы
Не просто парус и не просто судно
На гребне волн. Нет в мире чувств немых,
А наши мысли озаряют будни.
Я вновь иду среди знакомых гор.
Моя земля – я сердцем к ней причастен,
Идет хозяин, а не жалкий вор,
Я сын земли и к ней всегда пристрастен.
Когда мою высокую тропу,
Обвал засыпал, в каменном разрезе,
Как в сердце прочитал свою судьбу,
Проложенную кровью и железом.
Закон известен: не кляни зарю
За то, что с нею ночь ушла навеки...

За жизнь тебя, земля, благодарю,
Но сами путь прокладывают реки.

* * *

Мне кажется порой, что снова манекены
Сменили всех людей. Натянутая нить
Связует их с землей, и корни всех растений
Обречены не жить, а умирать и гнить.
Я подошел к тебе. Ты- миллиардный номер.
Нет у меня жены и оба мы мертвы.
Скажите, где мне быть, ведь мой товарищ помер,
Войну не упразднить, и фюреры правы.
Так снился мне фашизм, в изогнутом обличье
Склонившихся рабов, невольников земли.
И каждый мне кричал: забудь любви обычай,
Ты можешь умереть, покорным будь, замри.
Но видел я тоску в глазах твоих звериных,
Мне снившийся фашист, ты сам себе не рад:
Награблено добро, но толку что в перинах,
Ты что-то натворил- но страшен блеск наград.
В них слипшаяся кровь, и пепел сел сожженных,
И слезы матерей, и ненависть детей.
Ты страшен сам себе, убивший окруженных,
Ты сам себя связал, ты – враг своих затей.
Так снился мне фашизм, всемирного потопа
Я медленно познал безумные черты.
Стонала по ночам плененная Европа,
И ворон над землей летел и круг чертил.
Я видел этот сон и не хотел проснуться,
Кричал, как волк, во сне и словно умирал...
Наутро клятву дал быть стражем революций,
Солдатом истины – я клятву мертвым дал.

* * *

Каждый дом чужой, как темный замок,
Жизнь чужая словно лес густой.
Женщина прошла, сверкнув глазами,
Незнакомка милая, постой.
Есть в познание мира ритм особый,
Наших дней невнятна новизна.
Ночь трясет меня в земном ознобе,
Чтоб рассвет прекрасный навязать.
Сколько раз казалось: все, кончаюсь,
Нет! напрасно! Счастью не бывать...
Чей-то взгляд обдал меня печально,
Чтоб тоской признанья в небо звать.
Ночь стоит, как аист одноногий,
Подпирая облаком луну.
Думает о прошлом одинокий,
Ночь целуя сердцем, как луну.
И на тонких стебельках рассвета
Утро рассыпает аромат,
Рыбаки забрасывают сети,
Пишет мастер о любви роман.
День, что прожит, понят и описан,
Освещен мерцанием пера
Солнечного в заповедной выси,
Как кинжал, блеснувший у бедра.

* * *

Забуду шумный переулок детства,
Удар мячом, печальный посвист птиц.
Чтобы уснуть, достаточно раздеться,
И можно видеть сны и презирать цариц.
Шуршит, как книга, дерево у дома,
Листва взлетает и витает пыль.

И мир становится внезапно незнакомым,
И гасит день ночной огонь и пыл.
Планету осеняет словно парус,
Прозрачная до дна голубизна...
Нет признаков, но незаметно старюсь,
Друзей в прохожих трудно распознать.
Но потому я память напрягаю,
Что даже летом на путях земных
Не сходит мокрый снег с лесных прогалин,
И жизнь шумит, и бьет по сердцу стих.

* * *

Взлетает занавес, высок и золотист,
Как утра желтого веселая пантера,
Над многоглазием молчащего партера
Дрожат удары бубна и монист.
На сцену выбегают, топоча,
Гримера порождением актеры.
И действие начинается, и скоро
Зажжется вдохновения свеча.
И с первых тактов музыки живой
Томит нас предвкушение развязки,
Когда сотрется грим, поблекнут краски
Артистов со склоненной головой.
Здесь зрителей собралось без числа,
Мы наблюдаем, каждый словно замер
Из кресел золоченых словно камер
За поединком верности и зла.
Но мне известно: в глубине кулис
Скрывается душой всего спектакля
Живая жизнь, и зеркало не так ли
Все отражает, но скрывает мысль.
Мысль главная в душе изречена,

Чуждаясь слов и в области предчувствий
Рождается высокое искусство,
Открытий неземных величина.
И что бы ни твердил нам режиссер,
Все главное нам явно без подсказки,
Сильней сюжета и смелей развязки –
Души и тела бесконечный спор.

* * *

Кто поучает, неразумен,
Клянется тот, кто часто лгал.
Развратен старичок-игумен,
Шашлычник невзлюбил мангал.
Темнеет мысль от повторенья,
Избитых истин не сыскать.
Чад происходит от горенья,
А рост зависит от соска.
Но если часто в парадоксе
Смысл мироздания зарыт,
И дружба зародится в боксе-
Лишь зверь дерется до зари.
Гораздо чаще откровенны
Законы правды и просты,
Любовь и дружба неизменны,
Как зерна первой борозды.
Той, что была в веках далеких,
Проложена до наших дней,
Так песня в первобытных строках
Пропета лучшим из людей.
И в каждой золотой эпохе
Не злато ценится, а честь.
Поныне делим хлеба крохи,
Чтоб вместе жить и вместе есть.

* * *

Последний день, полночный час,
Над всей страной куранты,
В прошедшем дне частичка нас,
Уходят дни –курсанты.
Припоминаю дня дебют,
Рассвета миг внезапный,
Воспоминания добьют
Морской тревожный запах.
Восходит памяти ладья
Небесного экрана,
Вдоль строя звездного летя
В чужих пределах страны.
Нам вечно дел невпроворот
И стали дни короче.
Дороги резкий поворот,
И ясный сон просрочен.
Нам трудно вновь везде поспеть.
Навряд ли вам приснится
Трудом заслуженный успех
Без боли в пояснице.
Но слово доброе пролив
Дорогою земною,
Пройдут через вражды пролив
Мои друзья за мною.
Чтоб стал родным для нас весь мир,
Чтоб даже сны смешили,
Огонь любви себе возьми,
Мой брат... мы так спешили.

* * *

Кидаю камни и слова.
Что тяжелей? Как взвесить?

Я говорил, как целовал,
Любовь не занавесить.
Сквозь стен преграды и обман,
Сквозь ложь и отчужденье
Я шел и вдруг в пути обмяк,
Поверив в наважденье.
Недолго камнем запустить,
Но сердце неделимо,
Оно без дружбы, как пустырь
В тоске неодолимой.
Так вянут лучшие цветы
Без воздуха и влаги...
Не оставайтесь без воды
И наполняйте фляги.
Когда уходите в моря,
Вам вслед посмотрят с пирса,
Как бы с тревогой говоря:
Ты жаждешь иль напился.
И каждый сладостен глоток,
Когда припоминаешь
Пестревший с пристани платок...
Ты таешь, таешь, таешь...

* * *

Припомните, как нынче шли вы
По узкой улице сквозь ночь...
Горели в воздухе дождливом
Огни, отбросив тени прочь.
И красный свет в окне высоком
Томил мечтою о тепле,
Вода текла по водостокам,
Катились капли со стеблей.
Как красные кровоподтеки

Искрились лужи. Поздний час.
И провода дрожат под током,
И звезды падают злачась.
Предрасположенный к приметам,
Я вновь желанье загадал,
Чтоб новый день живым просветом
Все, что прекрасно озарял.
Чтоб вправду жизнь была красива
За красною стеной стекла...
В раздумьях сумерек дождливых
Ночь красной краской истекла.

* * *

В час опасности и страха
В гулкий днь беды
Жгла костры на склонах стража
Где снега белы.
Так сородичам сигналиа,
Что явился враг,
Сообща злодеев гнали,
Били главаря.
Не написаны страницы
О былых боях,
К воле человек стремился,
Лживых слов боясь.
Но нельзя забыть героев
Мировых боев,
Скрипку памяти настроив,
Пусть поэт поет.
Все реальности правдивей,
Подвига честней,
Прошлое в наш век придвинут
Истиной вестей.

* * *

Нарисуй меня в беседе,
Чтоб себя узнал я сам,
Обижаю ли соседей,
Раненым даю бальзам.
Может ошибиться каждый
Иль поможет разговор,
Утолить мне правды жажду
И чужой примерить взор.
Но поверю ли портрету,
Не узнав сомнений боль,
Смяв дурмана сигарету,
Сбросив маску словно роль.
Если ж правде не поверю
И легко поддамся лжи,
Приравняю жизнь к потере,
Покаянья песнь сложив.
Но прекраасен голос правды,
Дружбы честные слова:
Крылья истины расправьте,
Лжи бессмысленна халва.

* * *

Уже который день идут дожди
И, спрятанный дымящей пеленою,
Я даже невпопад запел иное
Но ты сказала кратко: подожди.
Сырой рассвет наваял мне тоску,
Невнятно падал снег сквозь неба сетку,
Безжизненно лоза вросла в беседку,
Печалиться мне было недосуг.
Коснулся ветер холодевших щек,
Я шел в песках, волною увлажненных,

И крик ленивых чаек полусонных
Летел в простор. Как горизонт широк!
Как тесно в мире! Оклик разорвал
Задумчивость мою, и мой знакомый
Был весел, проводил меня до дома –
Приятней стал больного дня овал.

* * *

За все в ответе я и ко всему причастен,
К труду привычный и устало злой.
Штормят моря. Как вороны, напасти
Слетаются и колет боль иглой.
И радость мимолетно бьет в глаза мне
Иль просто приласкает верный друг.
В горах по склону скатывались камни,
На реках шел ко дну пробитый струг.
Я весел был. Порою плакал тихо,
Я песни пел или рыдал навзрыд.
Жизнь штопала мне раны, как портниха,
Я верил: солнце путь мне озарит.
Я замолкал, я был в беде отважен,
Был немотой, мычащей знаменит,
Но в жизни был во всем причастен даже,
Когда молчал в кольце земных обид.

Воспоминание из детства

Сошлись две женщины. Меж ними
Нет ни нейтральной полосы,
Ни адвоката, что отнимет
Волчицы клык и хвост лисы.
Сошлись в словесном поединке,
Как будто насмерть бьют ножом,

Чтоб огорошить без заминки
Или оставить нагишом.
Слова летят от них, как пули,
Взметая пыль от голых ног,
Их не смирит никто в ауле,
Их не помирят даже бог.
Безжалостно поранит ругань,
Посеяв боль в чужой семье:
Возненавидели друг друга
Замок и ключ, что в том замке.
Навеки оборвется дружба,
И мир нарушится навек,
В ходу проклятое оружие:
Обман, бессовестный навет.
И кто поверит, что вчера лишь
О свадьбе думали они,
Когда их дети шли с игралищ
На счастья красные огни.
Как слово жалит, но покуда
Оно беспомощно пока
Мужчины только смотрят круто
И неподвижна их рука.
Пускай мужчина, что сильнее
Посмеет гордо промолчать
И не растопчет, свирепея
Любовь детей, мечту волчат.
Хоть долго не стихает ссора
Найдет замок сердечный ключ:
Лишь звери на расправу скоры,
Лишь человек – как солнца луч.

Музейный экспонат

Богини горделива нагота,
Пускай и рождена она немую,
В музее поселившись на года,
А не в саду закрытом синевою.
Она богиня. Верили в нее
Таинственные римляне и греки:
Казалось, что богиня ливни льет,
Рождая плодородие и реки.
Они твердили и роптали: ты,
И только ты, божественная Гера,
В твоей лишь власти уберечь сады...
Нет, не было богов, была лишь вера.
Но мысль иная греет душу мне,
Ведь жил творец, неутомимый мастер,
Богов несуществующих умней,
Великий скульптор, он источник страсти.
В его руках кусок земли сырой
Преображался.
Голая богиня
Волнует сердце. Взгляд разит стрелой.
Я красоту вовеки не покину.

Московское утро

Я приехал в Москву на рассвете,
Словно выстрелы, били шаги,
Город выглядел гордым, в расцвете
Сил своих, как могучий штангист.
Соловьинная песня восхода
По безлюдным пространствам текла
И сулила морозы погода,
Серебрилась поверхность стекла.

Если б знать о грядущих обидах,
Об удачах неведомых знать,
Я бы каждый обдумыввал выдох
Я бы каждый исследовал знак.
Был один я в рассветную пору,
Небо чисто. Дорога светла.
Оживает проснувшийся город.
Годы жизни сметает метла.

* * *

Говорит она: не ты ли,
Мой любимый, мой постылый,
Обманул мой сон.
Ты бессовестный и хитрый,
Юность светлую похитил,
Зоркий мой Назон.
Проклянет она меня ли,
Мне заботы заменяли
Каждый солнца вдох.
Годы гаснут, сохнут точки,
Звезд весенних лопнут почки,
Как печальный вздох.
Годы жизни, ночи плача,
Безобидная удача,
Позабытый свет.
И меня в цветенье сада
Обожжет твоя досада
Утренний сонет.

* * *

Роня музыку души движеньем струн,
Играет молча гитарист в закате смутном.
Мелькают пальцы. Голос песни юн,

Она внезапно родилась напевом блудным.
Забыты старые слова, и смысл иной,
И прошлой жизни вопреки восходят звуки
До самой звездной глубины в глуши земной.
Печально сердце у него, страдают руки.
Играет песенку артист, сверкает мрак,
Многоголосие души ложится глухо
На неба грань, на лунный свет, и каждый знак
Бумаги нотной испещрит живое ухо.
Моя мелодия, мои земные чувства
Я точно так переложил, но на стихи,
И зачеркнуло все случайное искусство;
И все заслуги обнажило, все грехи.

* * *

Когда усталые часы хрипят и умирают,
Когда пружинка в них дрожит,
 и рвется сердце вдруг,
Беспомощны часовщики, их руки, ум и раны
Все бесполезно в этот миг, как в час беды – испуг.
Смерть человека. Странный час. Безумие потери.
Один ушел, оставив трех беспомощных сирот.
Как будто ветер прошумел – качаются портьеры,
Как будто человек прошел в пустой проем ворот.
Но кто всесилен, кто найдет хотя бы отзвук смеха,
Хотя бы тень его шагов, лишь запах табака
И струйка дыма над окном, как в небесах прореха
Как луч звезды, которой нет, как хаос кабака.
О, вы, ученые мужи, коль сможете, измерьте
Размеры вечной пустоты, осознанный предел.
О смерти знаю: есть она – возможно ли бессмертье?
Когда б не верил я в него, не жил бы и не пел.

* * *

Жизнь – граница меж двумя мирами:
Хаосом небесным и земным.
Узок путь. Пылает над морями
Свод небесный шлемом золотым.
Человек способен видеть звезды,
Звезды нас не видят никогда,
Покрывая огненные версты,
Светом безответным исходя.
Там, в далекой бездне, все безлюдно,
Нет причин для смеха и труда.
Все молчит и все живет подспудно,
Освещая наши города.
Звезды дарят нам свои красоты,
Заставляя верить и любить.
Люди – пчелы, наполняем соты,
Чтобы звезды вечные забыть.

Монолог солдата

Я не убил предателя. Под вечер
Солгал друзьям, я был, быть может, прав:
Он мертв уже, он насмерть изувечен.
Забудь, братишка. О, холопский нрав!
Беспомощный и грешный бился ангел
В моих словах, проклятой доброты
Милее зло – хоть в сатанинском ранге:
Предательский удар необратим.
Приятней пасть в бою невероятном
За справедливость... как взглянуть опять
На друга дом, он не пришел обратно...
Как страшно память в сердце накоплять!...

* * *

Игра в безумие шустра,
Смешон доморощенный Гамлет,
Как воркованье голубка,
Он в страсть свою поверил сам ли?
Закатом пламенным горя,
Метает чувство стрелы молний,
Так стонет, ослабев, гора
И рвется парус, жизни полный.
Чудесна жизнь морских глубин,
Свои безумцы и принцессы
Вершат под сводом голубым
Бракоразводные процессы.
У птиц иной любви закон,
Свои понятия о морали,
Орлы парят, но незнаком
Им опыт шумного сераля.
И крохотных своих волчат
Охрипшие в боях волчицы
Бесплатно кормят, но ворчат,
Чтоб зло на гончих ополчиться.
И если человек иной
Зверей безумных недостоин,
Уместно, что закон земной
На жестких правилах построен.
Во славу правды и добра
И мировой любви во имя
В столицах иль в глуши дубрав
Делами хвалимся своими.
Но слово – нежности предел,
Пренебрегать им невозможно,
Убьет –вернее, чем расстрел,
За каждый жест неосторожный.

Но за добро стократ воздаст,
Любовь не ведает границы –
Поэзии моей звезда
Любовью ближнего гордится.
И места нет для суеты,
Для клеветы иль лести грубой...
Срываю нежности цветы,
Лаская нежно милой губы.

* * *

Голубая тоска безмятежного дня,
Глубина равнодушного неба
Ранят сердце опять, оседлаю коня,
Ускачу в необъятные степи.
Приторочен к седлу небогатый хурджин,
Сердце песней о родине бредит,
И родная гора поднялась, как кувшин,
Горизонт мой безоблачно беден.
Под копытом коня мелкий камень шуршит,
Проскользнула змея в саксауле.
Ночь в пустыне бедна. Лентой звездной обшит
Небосвод, как и в древнем ауле.
Много тысяч огромных томительных лет
Разлучен я и с детством, и с домом.
Как любить я хотел, но не бегал от бед,
Одурманен удачи истомой.
Я дорогу хотел проложить для людей
До безмолвной черты горизонта,
Но орел надо мною бесшумно летел,
Тень его для меня словно зонтик.
Птица мест мне родных, гор высоких посол
Надо мною летишь ты бесстрашно...
Вместе с родиной путь бесконечный прошел,
В память сердца укрывшись, как в башне.

* * *

Вооспоминанье душу леденит:
В узорах стен я вижу розы вновь,
Я снова ранен пулей разрывной,
И над спиною снова плеть звенит.
Я ощутил горящего добром
Прикосновенье прожитого дня,
И сердце туго стянуто ребром,
И снова друга нужно догонять.
Сегодня мной испытанное зло,
Оно ничтожно, если есть друзья,
Любви молчащей золотист излом,
Судьбой кричащей пренебречь нельзя.
Когда мне руку пожимает друг,
Я ласку пальцев тотчас узнаю,
Из нас никто не принимал услуг,
Любя, как правду, ясности зарю.
Сильны мы честью, нет меж нас господ,
И нет лакеев – все всегда равны,
Трудились честно – прошибал нас пот,
Прошли сквозь годы, честь не уронив.
И если был бы в мире Страшный Суд,
Не покраснею, не за что, клянусь...
Когда меня поэтом назовут,
Я вспомню все, пойму, не ошибусь.

* * *

Боятся люди громких слов,
Как больно бьют они по слуху!
И мыслей трепетный улов
Не радует мою старуху.
Упали годы в крутизну,
Неумолимо вьются кольца,

И даже раны рады сну,
Чтобы шипами не колотья.
Благословенные сады-
Как трудно защитить шипами
В миг ненависти и беды
Свою измученную память.
Лукавый, легкий аромат
Над слов безудержною вязью
И трубы древние гремят
Одной единственной фразой.
О, дай одно лишь мне судьба-
Уменья быть достойным розы.
Я, отрешившись от себя,
Навеки отрешусь от прозы.

* * *

Бейся бисер слов безвестных,
Ненаписанных давно
Музыкой старинной песни
В жизни яростном кино.
Позабыв заботы шепот,
Я обласкан вновь весной.
Мной разрушены трущобы
Бедной памяти земной.
Чтоб поверил грешный автор
В сердца острый перестук,
Я решил: «Снова завтра
Древом в жизни прорасту».
Прочь пустые отговорки,
Избирая торный путь,
Покидаю дома норку,
Чтобы воздуха хлебнуть.
И вплетая в песню ветра

Голос хрипловатый сей,
Сердце посажу на вертел
И подам на стол друзей.
Что-то выяснив, быть может,
Я от всех навек уйду:
Лишь одно меня тревожит –
Кто польстится на еду?

* * *

Брови бравого вояки
Хмурятся, хмелеют снова
В звездный посвист зодиака
Путь открылся без засова.
Племя пламенем объятых,
Страстных странников поток
Захлестнул мой час заката
Слов слабеющих потоп.
Донесется еле слышный
Крик: «Не пишется, прости».
Оживает след мой лыжный,
А страницы книг пусты.
И в тоске тысячелетней
Я подумаю впотьмах,
Что оставил самый бледный
Оттиск чувства впопыхах.
И сомнение проснется:
«Может не писал стихи я,
Может, просто было солнце
И свободная стихия».
И развеянный на ветер
Холодеющей любовью
Не воскресну и, наверно,
Захлебнусь старинной кровью.

Но не страшного дебюта
Испугался я когда-то –
Поэтической минуты,
Осторожного стаккато.

* * *

Бессмертные боги Олимпа,
Я вас прославлял бы весь век,
Но вы запятнали ошибкой
Божественных истин разбег.
За муки и кровь Прометея,
Кого, как не вас проклинать...
Над миром взметнулся метелью
Народ, победивший опять.
И люди, согретые богом,
Не Зевсу спасибо твердят.
И в слове чеканном и строгом
Врага его благодарят.
Покуда я жив, не устану
О подвиге истинном петь,
О боли борца и титана
Строкой беззаветной звенеть.
Он отдал всю кровь и дыханье,
Чтоб было народам теплей,
А Зевс напивался в духане,
Развратничал он и тупел.
И если мальчишка, смелея,
Отважится подвиг свершить
Сравнят его вновь с Прометеем
И будет он в памяти жить.
Огромное, светлое имя,
Прекрасный источник тепла –
Лишь тень пред делами твоими
Безумная злоба орла.

* * *

Верю в народное вече,
Знаю: бессмертен народ,
Подлость и кривду увеча,
Род поднимался на род.
Брат, убивающий брата,
Эхо гражданской войны –
Бой за победную правду,
Ей лишь герои верны.
Верю в народную мудрость:
Благо всегда победит-
День начинается с утра,
Солнце и ночью горит.
Непостоянны закаты,
В звезды зеленые верь:
Враг неопасен заклятый,
Если распахнута дверь.
Голос природы и раньше
Предкам твердил о себе,
Только казалось: обманщик
Лживую песню запел.
Верю в природное благо,
Знаю: оно не продаст.
Бьется прозрачная влага
Сквозь плодородия пласт.
Зрелая хлебная нива,
Розы пылают опять,
Солнца рассветного нимба,
К счастью, нельзя поломать.

* * *

Бежит планета в просторах черных,
Бежит, как люди, на ясный свет.
И с каждым шагом дороги торной
То ранит пуля, то бьет навет.
Поможет память, познаю братство,
Обманет сердце, пробьется враг.
Иль будет мир мне пустым пространством,
Как по чужбине плывет варяг.
Но если станет рассудок точен,
Прозреет сердце, раскрыв секрет.
Как берег жизни волной источен!
Как голос правды теплом согрет!
Не надо славы, никчемно злато,
Отдай мне друга, верни огонь.
Но вдаль-далеко давно ушла ты,
Кольцо упало, пуста ладонь.
Но шорох платья мне вечно дорог,
Пускай лишь память тобой полна,
Мой парус в море, как в коридоре,
Несется яхта, звенит волна.
Я буду весел или печален,
Покуда память во мне жива.
Могилы предков, мы к вам причалим,
Не спрячет правды вовек трава.
Роняю слово, восходят зерна,
Колосьев спелых звенят моря.
Я был нежадный, правдив упорно,
Стремился к солнцу, в ответ горя.
Пускай простит мне, кто был достойней,
Что я не сделал, как он сумел.
Сломалась юность, как тополь стройный,
Но голос сердца свое допел.

* * *

Ты хочешь в жизни перемен?
О, Боже, брось.
Будь благодушен, как бармен,
Хватай подачек кость.
Мечтаешь о великих днях
О братстве всех людей.
О, будь развратен, как монах,
Святоши будь лютей.
Нобратима карусель
И нескончаем свет,
Через столетья та же цель,
Мечты кровавой след.
Ты всемогущим был, мой Брут,
Ты верным был Спартак.
Но нечестивцы в сердце прут,
Как бы в бардак.
Гнилые чувства омрачат
Мою судьбу,
Поганят в душу и влачат
Лишь похоть на горбу.
Но будет день, ты слышишь, сын.
Проснется в сердце гнев:
Над миром свод небесный синь,
А под ногами хлев.
Дружище, слышишь, ночь пройдет:
Фашистов сокруша,
Прославив жизнь на долгий год,
Свободна будь, душа!

* * *

Понятен мне невольный ужас твой,
Далекий предок, первый человек.
Он вслед за страхом испытает мужество
И будет жив, и будет цел вовек.
Осмелишься придти опять к вулкану ли,
Пред молнией не опускаясь ниц.
В какую мглу те предки наши канули,
Лишь миг мелькал, как рыжий хвост лисиц.
Но и тогда закаты были алые,
Над розой также пели соловьи.
И люди наземь падали усталые,
И юноши мечтали о любви.
Есть в наших чувствах нечто неизменное,
Быть может, это просто связь времен.
Так век за веком мы должны разменивать,
Поскольку мир наш в завтра устремлен.

Монолог стареющего волка

Я волк-одиночка. Отбившись от стаи
Таких же, как я, неподкупных и злых,
Голодные годы и версты листаю
И вою протяжно на братьев своих.
Мне трудно по снегу холодному рыскать,
Хватаясь за камни и голод терпя.
Но где-то ты рядом, ты прячешься близко,
Твой запах я слышу и верю в тебя.
Отбросивший робость, покинувший детство,
Слоняюсь по миру и к смерти готов,
И славлю лишь этот жестокий удел свой,
Как свет позабытых родных городов.

А солнце по небу без усталости мчится,
И годы уходят, как кровь из души.
И снова мне снится седая волчица,
Волчат бессловесных своих задушив.
Никто не узнает о горе зверином,
О волке, который не делает зла.
И видится жизнь в кинокадрах старинных
И мучает с жизнью нелепый разлад.

Просто убийцы

Будь проклято, бессмертие мое!...
За то, что был я человеком, мстят.
За верность чести и рассудку мстят.
За неподкупность и за правду мстят
Не мне – я этой мести жалкой не страшусь.
Ребенку моему немногих лет
На казнь ведут безумные его,
Жгут одиночеством ребенка моего,
Бьют издали то камешком, то словом
Из-за угла – трусливо, равнодушно...
О, подлость, как таишься в масках ты,
Как хитро и преступно убиваешь,
Мою любовь, всю жизнь мою больную...
Будь проклято бессмертие мое!...
Но ты ответишь, гадость, день идет,
Путь к дому долог, но зеленый свет
Моей планеты виден издалека.

* * *

Когда обреченная Троя,
Не ведая даже вины,
Враждебные рати расстроив,

Играла в подобье войны.
Когда бесновались ахейцы
Пред крепостью грозной, у стен
Тяжелых и некуда деться,
И страшен томительный плен.
Когда драгоценная падаль
Не стоила больше гроша
И страшно сомнение: надо ль
Безумствовать, жизнью греша.
Когда беззаботные греки
Теряли веселых друзей,
И были кровавые реки,
И небо гремело в грозе.
Когда бесконечно на приступ
Тянулись без веры в успех,
И трупы летели, как листья,
И мало, кто выжить успел, -
В те дни, что воспеты Гомером,
Античным бессмертным размером
Изысканных светских стихов,
Кто в муки Кассандры поверил?
Закреты тяжелые двери,
Костер погребальный готов.

* * *

Какое красивое лето,
Как ноги нагие белы!
Но небо, избитое плетью,
Как сердце живое, болит.
На склоне измученных зноем,
Звенящих раскаяньем гор
Мы ноги безумно заносим
Туда, где теряется взор.

За черной и четкой чертою
Обыденных злобных забот
Укрыт бессловесной чадрою
Искусства забытый забой.
Я грешен горячкой шахтера,
Открывшего звон золотой,
Где стиснуты тьмою просторы
И голос мне слышится злой:
«Прощайся. Довольно ты пожил,
Желая любви и добра
На чьих-то героев похожий,
Изысканный рыцарь пера.
Пора и тебе причаститься
К обычной и выгодной лжи
Чтоб тела живого частица
Исчезла навозом во ржи».
На что мне чужие красоты,
Безумного лета обман?
Я страстью на стяги разодран,
Чужою удачею пьян.

* * *

Свершается постыдное венчанье
Среди всеобщей грозной немоты,
И слышат ослепленные датчане
Чужой любви немислимый мотив.
Преступной страсти предается Клавдий,
Большой и буйный Дании монарх,
Чтобы отвлечься от безумной правды,
Гулякой притворяется монах.
Как обманулась горе-королева,
Душа ее раздета догола.
Забыта гордость. Нет причин для гнева

И прошлого мертвы колокола.
Но незавидно будущее принца,
Прельстится ролью эгоист-актер:
Быть сумасшедшим, не любить, не бриться,
Пред публикой в тоске потупив взор.
Маячат тени вычурных придворных,
Но Гамлет жив, прекрасен и лукав,
Живое древо среди растений сорных –
Мне нравится его несносный нрав.
В родном доме он не находит места,
Но друг его – он стоит ста других...
Смертельны раны и, пресытись мезтью,
Исчезнет принц в толпе врагов своих.

* * *

Природа русская светла,
Таинственная лепота,
Я слушал, не сходя с седла –
Ручей в дубраве лепетал.
Вообразил не Левитан.
Природы этой сочный сон,
Когда задумчиво витал
В плену своих фантазий он.
И от томительной мечты
Вновь он вернулся в русский лес,
Его не вырубят мечи,
Он сохранится миру весь.
Как обещание в письме,
Как друга умного намек
Живая кисть, любить посмев,
От жизни он бежать не мог.
И я увидел наяву

Среди светящихся берез,
Как мальчуган, порвав траву,
В российской тишине пророс.

* * *

Угрюмый ветер налетел,
Развев дым воспоминаний,
Где камни травы приминали,
Средь лета мы теряли тень.
И ветви гибкие согнув
Одним неистовым порывом,
Стал воздух вдруг конем строптивым
И птицам раздирает клюв.
Мир весь во власти перемен,
Как будто до скончанья века
Под ветром будет биться ветка,
Ломая притяженья плен.
Но снова снится тишина,
Когда тяжелая дремота
Подобна таинствам ремонта –
Природа ты простишь ли нам ?
Прости забывчивость людей,
Презревших гнев далекой бури,
Страдания румянец бурый –
Но новый ветер налетел.
Воспоминаний горький дым
И на зубах песок хрустящий
И нужно видеть в настоящем
Прощанье с миром молодым.

* * *

Пир горою в Эльсиноре,
Кто оплакан и забыт,
Кто-то скорбь свою сыновью
Молчаливо затаит.
Но за подлое убийство
Не забудут наказать
Полной мерой, шпаги быстрой
Клавдию не избежать.
Но идет веселье в замке,
Пьют и пляшут до утра
Звезд загадочные знаки,
Слезы боли и утрат.
В легкой пене музыкальных,
Утомительных балов
Не скрывает принц печальный
Мыслей горьких о былом.
В этом хоре безутешном
Гамлета не исцелить
Ни объятием поспешным,
Ни возможностью царить.
Не прельстится он наследством
И возлюбленной красой,
Устрашится ран и бедствий
Неизбежной полосой.
Он, быть может, ясно видит
Смерти тягостную тень,
Но на бой нещадный выйдет,
Будет биться ночь и день.
Не обманутый парадом
Скороспелого царя,
Он опять со мною рядом,
Бредит правдой до утра.

* * *

Последняя звезда в полночном небе
Появится на миг и снова канет,
Домой вернутся люди из похода
Тяжелого, как сапоги – ребенку,
Солдаты вспомнят о жене и детях
И поспешат увидеть их еще не раз,
Забудут дети об ошибках давних,
Чтоб дальше жить раскованно и зло.

Но та звезда не раз еще приснится,
Взойдя впотьмах на синем небосклоне,
Походы повторяются от века,
Поскольку неизведанного много,
Но только войны пусть не повторяются
Во имя жизни мы боимся смерти,
А детям суждены свои ошибки
Дай бог, чтоб избежали хоть чужих.

* * *

Если в сердце нет любви,
Не тверди о ней словом незначашим.
Ложь и фальшь от рожденья глупы,
А лжецы затеряются в чаще.

Если сердце не знает тоски,
Слез притворных не лей, не нужно:
Склеить двух мирозданий куски
Может только безмерно недужный.

Вдохновения не познав,
Притворяться поэтом – надо ль?
Лицемерье – сосуд без дна,
Сгинут все, кто туда попадал.

* * *

На жизнь благословляю яд пьющего,
На смерть обрекаю дающего яд,
Потому что во имя грядущего
Зверством нельзя щеголять.

Взлетает соловей – послушай песнь его,
Но только сердцем слушать научись,
Чтоб в мире дня не выпадало пресного:
Познать горечи, я знаю, будет чист.

Кто боль терпел, пусть мучаясь, пусть нехотя,
Тому разгадки в жизни все даны,
И голова его блестит не перхотью,
А истинным сияньем седины.

Невзрачна женщина, но как волнует вид ее,
Представь: русалка выплыла из волн,
Быть может, станет встреча ядовитой,
Но сердцу в красоту уверовать позволь.

Коль все, что делал ты, лишь дань довольствию,
За все вознаграждаем сверх нужды,
Страх осенит дорогу в бездне звезд твою,
Тревожен сон и дел прескверных жди.

Направь же лодку, мой Харон, на юг,
Чтоб дома засмеяться, охнуть: спать!...
Чтоб обрести за песней похоронною
Все то, что может жечь и вдохновлять.

* * *

Под маскою любою, в платье любой модели,
Сто париков смени, сотню навешай бус,
Если мне в сердце глаза твои посмотрели,
Все же узнаю тебя, узнаю – не ошибусь.

Хоть назовешься самым темным
и странным именем,
Все – псевдонимы, а имя одно у тебя.
Это – Любимая, Пламя мое – вот именно:
Сердце горящее не для чего утеплять.

* * *

Я в пустыне доберусь до воды,
Темной ночью я увижу звезду,
Словом лишь одним отведи
Нашего молчанья беду.
Слезы не прольются с пера,
Все могу себе я простить,
Только бы ты дверь отперла,
Чтобы в сердце солнце впустить.
Можешь ты, как птица, лететь,
Но забыть не сможешь, прости,
На любовь не ставлю я сеть,
Толко сердце взглядом прочти.
Напой меня ключевой,
Ледяной водой напой,
Чтоб не позабыть ничего,
Чтобы вспомнить песни мои.

Штрихи к портрету Кадрии

1.

Женщина пришла на годекан,
Чтоб нарушить таинство традиций
Или потянуло к родникам,
Где дано и женщинам родиться?

Горе, в вечность черным годом кань!
О, живые, трудно ль потесниться –
Женщина пришла издалека,
Чтоб простить иль навсегда проститься.

Дерзко ли, о лучший из старейшин,
Так открыто предков возлюбить?
К вам приходит представитель женщин,
Чтоб мужские распри озарить.
В старой крепости из всех бойниц и трещин
Проросли цветы и нужно жить.

2.

Открытое лицо – прекрасное лицо.
В глазах правдивых светится улыбка,
Но кровь прольется – станет радость зыбкой
И покраснеет желтое кольцо.

3.

Ты чувство знала, не терпя притворства,
Ты знала Слово, фальши не терпя,
И жизнь твоя текла легко и просто,
Соблазнами не трогая тебя

Любовь ты знала, не терпя кокетства,
Улыбке веря, презирая зло.
От горестей тебя спасало детство,
От мелочной обиды – ремесло.
Ты жизнь свою доверила бумаге,
Чтобы «глаголом жечь сердца людей».
Неосторожная, спасибо за отвагу,
Живи в сердцах и вечностью владей.

4.

Рисуют разные портреты
Кисти кинжалов острия,
Но как поток добра и света
Связать словами, Кадрия?

Друзья тоскуют: стало пусто...
И все ж, по- прежнему щедра,
Звенит строка любовной грустью
И бредит счастьем до утра.

* * *

Два поэта, два искренних друга
В беспощадной схлестнулись вражде,
Не прощая фальшивые звуки,
Не прощая измены в нужде.
Эхо дружбы мне жаль, но, пожалуй,
Есть иная, страшнее, вражда:
В клятве «верности» руки пожали,
Все прощая друг другу всегда.

Послушай, приятель, я правды твоей не страшусь,
Боюсь, что порой притворяешься слишком умело,

Боюсь лицемерия, правды твоей не страшусь,
Но если неправ я, то бей меня честно и смело.

Приятнее вражда
Героя и вождя,
Чем дружба, что слаба,
Поскольку – от раба.
Раба своих причуд,
Пустых затей и пут,
Полезней бой с врагом,
Чем дружба с дураком.

* * *

Бывает день, когда я, ошибаясь,
Считаю черным то, что белым было.
В далеком прошлом мне казался другом
Фальшивый человек, мой злейший враг.
Вчера как будто счел я за врага
Того, кто был вернейшим из друзей.
Я рад бы горю – этого не скрыть,
Печалил смех меня – и это тоже было.
Но так всегда, поскольку человек
Живет одним дыханьем, приближаясь
К разгадке бытия, земли и звезд,
Бывает в мире. Но всегда, однако,
Заветный деь внезапно настает
И правда открывается слепому,
И настает рассвет, цветы ночные
Помогут отгадать мне тайну дня.
И все, что я терял в огромной жизни,
Вновь обрету, познаю в чреве ночи
Лишь истину ликующего дня.
Не жаль мне крови – было, потерял.

Тебя лишь жаль – о, как ты постарела.
И страшно мне: не я ли загубил
Имел ли право красоту губить?

* * *

Я не прошу у родины наград,
И памятник не нужен мне надгробный –
Пусть за добро меня благодарят,
Пусть за зло наказывают злобно.
Пусть за радость старит жизнь меня,
Но в горький час пускай продлит мне годы.
А если струшу, чести изменяю,
На голову пусть рушит непогоду.
Но если в мире человеком был,
Хочу, чтоб рода древо разветвилось,
Чтоб мой потомок пращура любил
И вечной сделал мира справедливость.

* * *

Я помню, полыхали в поле маки,
В вечернем затухавшем полумраке,
Казалось мне, что кровью истекает
Земля, что вечно к солнцу убегает.
Но эта близость все ж недостижима,
Вершит планета путь неодолимый,
И греет солнце грудь ее и спину,
Как человеку, севшему к камину.
Но раны сердца солнце не излечит,
Поскольку радиус земной орбиты вечен.

* * *

Смешались с пылью кровь моя и пот,
Судьбу свою узнаю наперед,

Предвидел боль, смеясь неосторожно,
Хотя и понимал, что боль возможна.
Предвидел раны, не страшась беды,
Боясь зловонья, сам стирал следы.
Как странно путь вершим мы в бесконечность,
Все сознавая и теряясь вечно
В огромной неподвижности морей,
Где смерть благоразумия милей.
Но почему опять надежда тешит,
Что в будущем покой наш неизбежен.
Противоречье – это навсегда
В нас укрепляют радость и беда.

* * *

Всю жизнь шептал чужие имена,
Но ты одна была моей звездой.
За слепоту мою, прошу, прости меня,
Не исчезай, прошу тебя, постой.

Как подлость, нежность я к чужим ногам бросал,
Как больно бьет поступков бумеранг.
Красна в закате слез твоих роса,
Легко с любимой жить и умирать.

И засыпая в тягостном углу
Чужой гостиниой, встречу ль вновь тебя.
В любимой взгляд лечу, как в моря глубь
И жажду в море и горю любя.

* * *

Один все льет кровавый пот,
Другой слюною юной весь измазан,
Кто грязен, в роскоши живет,
А чистый весь испачкан грязью.

Кто любит нас не за красу,
За мысль в глазах, а не за брови,
Среди людей живет в лесу,
И жизнь его войны суровой.

И сердце нежное людей
Отлично кое-чем от платья.
Но надо выбрать и сильней,
Чем шляпу все прошупать надо.

А если враг всю жизнь свою
Готовит острый нож для брата,
Двоим не жить в одном краю
И выбирать всегда нам надо.

* * *

Странные люди, смешные-
Делят со мной повсеместно
Счастье, что скупо дано мне.
Но почему-сомненья,
Боль и горячие раны
Только лишь ты отнимаешь.
Странные люди, смеются,
Если печали я полон-
Может, ослепли они?
Странно, зачем обижаться,
Если я был равнодушен
К вашей печали порой?
Странные, но не смешные
Люди людьми остаются-
Это я слышал с рожденья.
Я человеку прощаю,
Жизни прощаю устало,

Но не прощаю себе.
Я не прощаю обиды,
Что вызываю невольню
Лишь у тебя, моя радость.
Но почему- то одна лишь
Ты мне прощаешь от века
Глупость мою, моя радость.

* * *

Прочь скудоумная вялость движений,
Благодарумия немощность – прочь.
Лучше для брата я стану мишенью,
Лучше уйду в одиночества ночь
Если при мне обижают слепого,
Мне захотелось и стал я слепым.
Разум погибнет в дуэли с любовью-
Жертва огромна, но был я любим.
Сердце мое переполнено кровью,
Желчь без остатка я отдал врагу.
Павших друзей в своем сердце укрою,
В памяти темной своей сберегу.
Верность моя, ты с клинком несравнима,
Ты не тупилась в тяжелом бою:
Память поэта от века ранима,
Раны измучали музу мою.
Век на исходе, но в песнях дослушай
Гнев революции, голос отцов:
Голосу правды я с детства послушен,
Глух от рожденья ко лжи подлецов.
Бой не стихает, грядущее рядом,
В сердце товарища, в песнях детей.
Слово правдивое стало снарядом,
Стало отравой для крика «убей!»

* * *

Забывать свои права, свое имущество,
На бездорожье жизнь начать с нуля,
Умеют вдохновленные на мужество
Единственные наши сыновья.
Они уходят голубой распутицей,
Молитвы наши слыша за спиной.
Грядущее придет, настанет, сбудется...
О будущем, мой древний Каспий, пой.
Ушедшие бесчисленные предки
Безмолвны, но молчание таит
Свои неумолимые запреты,
И смелый вызов, и прекрасный стыд.
Я в силах позабыть о жалком праве
Топтать цветы, которые растил,
Когда был предкам добротою равен,
Бредя по бездорожью борозды.
Оставлены и мною в поле зерна,
Настанет день, пшеница прорастет,
И все, о чем мечтали мы упорно,
Откроет детям голубой простор.
Мгновенье я во имя жизни прожил
На фоне звезд, обласканный землей.
И было мне по нраву бездорожье,
Легко дышать и песни петь зимой.

* * *

Памяти моей провалы
Озаряет яркий свет.
Вспомни, как мы пировали,
Обладатели галет.
Запивали родниковой
Нашей горскою водой

Этот завтрак под суровой
Нежной утренней звездой.
Мы цепочкой шли по склону,
Путь свой песней веселя
И на башнях, опаленных
Выводили вензеля.
Может, здесь мы полюбили
Легкое касанье рук,
Может, все мы позабыли,
Может все мы вспомним вдруг.
И когда взойдет под утро
Юности внезапный сон,
Снова я, как мальчик шустрый,
Обойду зеленый склон.
Уходить не торопись ты,
Песни снова заводи.
В прошлом были мы туристы,
Ныне в прошлом мы свои.

* * *

Миг отчуждения лишил меня надежды
Услышать снова голос столь живой.
Ты каменно недвижна, вечность между
Мной и тобой – где голос прежний твой?
Я сознаю, что сам уже не прежний,
Мгновенной болью я преображен.
Безумная душа, ты как мятежник,
Что в драке с другом лезет на рожон.
И сердце, переполненное кровью,
Грозит взорваться и убить себя.
Как солнце жжет оно любую кровлю
Сметет, пылая и глаза слепя.
А были мы с тобой как будто дольки

Едино́го прекра́сного пло́да.
По коридора́м жи́зни бу́ду до́лго
В безмо́лвии безжа́лостном плу́тать.
Как сча́стье нас прельща́ет, но се́годня
О на́шей встре́че сожа́лею я.
Я б жи́л, как пти́ца, сме́ло и сво́бодно,
Не зная́, моя́ ми́лая, те́бя.

* * *

Прости́, но я пи́сьма не напи́шу,
Не позво́ню, не появлю́сь внеза́пно,
Как принц из сказа́ки. Сли́шком, сли́шком сму́тно
Всплыва́ет о́браз тво́й из глуби́ны
То́й па́мяти, что мне да́на от ве́ка.
Но па́мять э́та ве́чная со мно́й,
Моя́ лю́бовь мяте́жная со мно́й,
Все на́ши о́горче́ния со мно́й,
Ли́шь о́блик тво́й расплывча́т и неясен.
Двух сло́в тебе́ сказа́ть я не могу́,
Не одоле́ть мне двух ша́гов ме́ж нами.
Две пе́сни не солью́тся, так и мы
Два да́льных су́щества о́дной пла́неты,
Лю́бимы, лю́бим, жи́вы, но сле́пы.
Но го́лос тво́й пресле́дует ме́ня,
Но сча́стье су́ществу́ет для ме́ня,
Но ро́зы расце́втаю́т для ме́ня,
Что́бы в чу́жих ква́ртирах увяда́ть.
Так ли́вень ще́дро лье́тся на мо́ря,
Так сохне́т дре́во без еди́ной ка́пли,
Так чу́ждое да́но тебе́ от ве́ка,
Родно́го ли́шены мы наве́гда.

* * *

Хожу по саду, маленький клочок
Земли родной, праматери единой,
Которая рождает самых злых
И самых добрых, трусов и героев,
Мужчин и женщин – все мы в этом лоне
Скупом и щедром зарождались в муках
Великой нашей матери земли.
Хожу по саду, ночь сжимает мир
В объятьях мрака, звезды мне кивают.
Летит планета в будущий свой день.

* * *

Здесь розы отцвели, я с ними связан
Любовью к красоте.
Немые розы, ваши лепестки
Давно истлели.
Но образ красоты во мне пылает,
Горят в душе багровые огни
Любви, что не истлела.
Цветная память мучает меня
Бессмертным сном грядущих откровений,
Огнем отваги, что дарует роза
Тому, кто помнит.

* * *

Прищурясь, как ящер, мой пращур пещерный
Меня не увидит во мраке вселенной
И лишь постепенно в пустыне безмерной
Грядущее станет искать, несомненно.
Он зорок по-птичьи и слеп бессловесно,
Прекрасный, как песня, неспетая прежде.

Он вечности черной печальный ровесник,
Он жизни опора, он мира надежда.
Он смотрит в меня до таинственной рези
В глазах, что солгать не способны пока что,
А стан его стройный, как жизни отрезок,
Как древней истории четкая мачта.
И все, что он знал, я когда-нибудь вспомню,
Чтоб в нынешний мир возвратиться из странствий,
Чтоб мог я сказать горделиво и скромно:
«Тебя я предвидел, потомок мой, здравствуй.»

* * *

Два моря,слившихся в одно,
Назвали океаном,
Два сердца соединено
Любовью иль обманом.
Два человека иль друзья
Или враги навек.
Словами лживыми дразня
Неволит нас навет.
Слова другие нежат нас
И светят вопреки
Глупцам, что ложью разживясь,
Гноят потоп реки.
Но в самый чистый час любви
И в тине трудных лет
Мне облегчал печали был
Небеспристрастный свет.
И вот сегодня я клянусь,
Что выше всех удач
Ценю лишь истинное, пусть
Сулит оно мне плач.

Пускай ты будешь палачом –
Есть участь пострашней,
Когда ты в жизни был мячом
В игре чужих людей.

* * *

Моя жена любимая сегодня
Приснилась мне ясней, чем наяву.
Как долог был тот яркий сон субботний
И падал тенью взгляда на траву.
Я тень любил, что нас соединила,
Я эхо взгляда, он нас разлучил.
Ты слабость сердца обратила в силу,
Так светлячок два солнца излучил.
Два сына наших. Мне один приснился,
Он был голубоглаз и одинок.
А накануне спать с другим ложился,
И улыбался мой второй сынок.
Прости мне сын, ты мне дороже жизни,
Но чувство честное всегда всего сильней,
Ведь свет любви в живую грудь вонзился,
Чтоб мог я вечно видеть сыновей.

* * *

Я ненавижу всех, кто ненавидит ветер,
Взметающий нелепые останки миров отживших,
Уносящий вдаль
Безжизненную желтую траву.
Протухший воздух.
Ветер, осуши
Людские слезы всех материков,
Пои нас ароматом звезд и роз.

Я презираю всех, кто презирает нищих,
Умеющих навеки отказаться
От личных благ, от тягостных излишеств
Во имя блага всех людей планеты.
Великий нищий, что прослыл от века
Глушцом бессильным,
Будь мне вечно братом.
Гордись пустым карманом, гордись собой.

Среди людей, снующих на земле,
Нет близнецов, лишь пристальной взгляни.
Но братья есть по крови и по духу,
Соратники, враги иль антиподы.
Когда-нибудь простой закон природы,
Что свел людей бесчисленные орды
В одну семью, как в Ноевом ковчеге,
Несущемся в пространстве равнодушном,
Сомнения не вызовет ни в ком.

* * *

Все наши встречи – повторенье прежних
Свиданий нежных.
Все наши души – отраженье дальних
Надежд печальных.
Все наши слезы – капли ливней старых
В сердечных сварах.
Всю нашу боль вновь повторит стократно
Поток обратный.
Но так, как прежде было, ни в кино,
Ни в жизни нам увидеть не дано.

* * *

В полдня сутолоке пыльной
Я на весла налегал,

Слишком быть любвеобильным –
Доля слишком нелегка.

Песней солнечной мороча
Сердце ясного портрет
С каждым днем лучи короче
В складках радужных портьер.

Свет струится в щели ставен,
Силой каждого луча
Можно верность вечно славить
Или вечно разлучать.

И рожденный светом добрым
Для великой новизны
Я увидел в мире образ
Вновь задуманной весны.

И плывя по половодью
Тихо тающего льда,
Вспомню: тронул я поводья
В незабвенные года.

И коня звенящий топот
В сердце песней зазвучит:
Памяти бессмертный опыт
Путь мой счастьем осенит.

Размышление во сне.

Заметались снова тени
В изголовии моем
И фонтаны сновидений
Плещут в сердца водоем.

Не ржавеет песен злато,
Беспокойный перезвон
Словно вечных постулатов
Человечий горизонт.

Сердце обнимают розы,
Как беспечны их шипы.
Беззаботные матросы
Говорливы и слепы.

И чредой явлений странных
Мир проходит предо мной,
Из пределов иностранных
Сон зовет меня домой.

Чтобы в ясном свете будней
Видеть полдень и закат,
Чтоб из жизни беспробудной
Сказку счастья извлекать.

* * *

Я обещал тебе, перетаскаю горы.
Я гору перенес – не смог перенести
Тобою причиненное мне горе,
Твое неизгладимое «прости!»

Я говорил, что осушу болота,
Болото высохло – вовек не будет слез,
Но поезд твой на сердце лег заботой,
Как будто сам я лег под бой колес.

Слова бессильны... День уходит мимо,
Свет и дыханье жизни унося,

Но память бьет в глаза неугасимо,
По сердцу хлещет звоном колеса.

* * *

Ночью клонит не ко сну,
А к стихотворению,
Я души твоей коснусь,
Мерное мгновение.

Люди бегают по дну
Океана звездного,
Чтоб найти свою, одну
Тропку счастья позднего.

Нас заботы, что ни день,
Осеняют песнями,
Коридоров канитель
Проложили в бездне мы.

Ограничены души
Грани в мироздании,
Мне же просто надо жить,
В человеческом звании.

Просто жить, писать стихи,
Любоваться розами...
Хочешь, песнь с души стряхни,
Разломай перо за миг –

Миг духовной новизны
Мерного мгновения,
Где ни лета, ни весны –
Лишь стихотворение.

* * *

Потемнела природа. Горы хмуры.
Я к тебе подошел невзначай.
Далеко расплескалась заря,
Высоко разметались деревья.
Что ты смотришь, скажи, недовольно,
Я в мечтаньях твоих помешал?
Я принес тебе вести от бога,
Поднимая в приветствии руку.
Я тебе повторю: привет!
Шевелящихся губ не коснувшись,
Ты лишь знаком попросишь умолкнуть
И послушать с тобою рассвет.
Я подам потемневшей природе
Обнаженного утра накидку
Из спящего знойного света,
Из цветов, уроненных ветрами.
Я к горам прижимаюсь губами,
Сердце грозно звучит в перезвон,
Что тебе от немого набата,
Если снова кровава заря?
И с тобою идем мы по гребню,
По высокому гребню хребта,
Обагрив росой наше утро
Над пространством безумных времен.
И с тобой мы, быть может, безумны,
Но об этом известно лишь нам
В час тревоги, зовущей навстречу
Окрыленному призраку дня.

* * *

Я тебя ненавижу – ты слишком красива,
Я тебя презираю – ты слишком мила...

Я родился сильным – это счастье,
А иначе, как снести все это...
Спускает брови – прячет взгляд,
Поднимая руки, не сдаётся,
Но о чем-то хочет попросить...
Для чего мне счастье – это глупость,
Только не могу противостоять
Этому безумному стремлению
Осчастливить мужа своего...
Все мечты исполнились – ужели?
Все идет к тому, чтоб вечно жить
Даже в адской круговерти горя,
Даже в подлости миров огромных,
Даже в жуткой подлости стихов,
От которых все ж не откажусь,
Даже понимая, что неправ...
Истина меня не донимает,
Сам выискиваю все, чем миг грешит
Против истины, которая дается
Только лишь счастливому в любви...
Все на месте? Мир не опустел?
Я не знаю, но безумно время,
Где я слышу хохот о себе
Как истерики свидетельство живое...
Ладно, мы достроим нашу дачу,
Ладно, проживем еще немного...
Будто я о счастье не мечтал...

* * *

Снова и снова, как наркомания,
Снова и снова хочу испытать
Чувство познания истины...
Редкая участь, безумна судьба,

Все отвалившая мне... Это много?
Снова и снова... Успею ль до сна
Выискать жуткий ответ на вопрос,
Признанный темным, совсем нерешимым,
Неразрешимым... Найду ли до сна?
Сладость нирваны? О, страшная гадость!
Сладость познания? О, гадкая страшность!
Годы уходят обычным путем,
Веки смежает усталость и счастье
Мне улыбается в облаке слез,
Духи волнуются, и беспредельность
Молча хватает меня за рукав,
Плача, старается руку схватить...
Пусто!...
Я уйду от непонятых грез,
Ваших мечтаний страшна мне усталость,
Слабое горе не в силах я видеть,
Я уйду и из дальней страны
Истины шлю вам на крыльях любви...
Как? Не привыкли?...
Что ты мне скажешь, бессонница дня,
Вновь вопрошает безумие сна,
Днем восторгаюсь, а ночью грешу
Слабостью вашей...
Как же ты, истина многих, лишь мне
Можешь открыться?... Наверно, силен!...
Знаю ль об этом я? Нет уж, молчи!...

* * *

Начинаю новую страницу...
Миг торжественен и торжествует
Все, что мы природой называем
Над обманом лопнувшего утра,

Разбросав прозрений семена
В эти нетревожные мгновенья
Времени, что тяжело проходит
Женщиной красивою, как счастье,
Выпавшее мне из-за нее.
Что ты хочешь от нее, сестренка,
Что тут требовать, она на все готова,
Чтобы угодить моей любви
И какой-то даже неприязни,
Оттого, что стала слишком нужной,
Это бремя трудно мне нести
И смотреть опять в глаза восхода,
Оставляя за спиной пространство,
Тронутое кровью или светом
Необманной, неживой зари.
Я всмотрюсь в тебя, живое время,
Не желая обуздать тебя,
Не страшась свою любовь загладить
Резкостью иль глупою насмешкой –
Потерплю, иначе невозможно
Отвязаться от любви несносной,
Что, как жажда, что, как голод, снова
Крутит голову мою и молча кружит
По просторам дома моего.

* * *

И вот покой. Сырая пристань.
На мокрых досках виснет паутина.
Что это было – одичанья приступ
Иль одиночества глубокая путина?
Все мироздания на месте,
Я – на своем, ни перед кем
Из одиночества иль мести

Не выскажу своих проблем.
Я там, где не покажут носу
Друзья – но только лишь враги...
Роняет небо наземь росы,
Глухи вокруг меня шаги.

* * *

Я не прячусь за щиты чужие,
От себя своих не отпущу,
Чтобы в этом пламенном году
Выяснить, что в будущем прощу.
Лишь, любовь моя, ты непростима,
И словами зыбкими простыми
Я рисую эту благодать
Рядом быть и радости не знать
Временной, как эта жизнь немая...
Лишь цветы все выше поднимаю
Над бескрайней этою пустыней,
Где нам жить пришлось в двадцатом веке.
Нашей неизмученной мечты,
Где ты идеалом в человеке
Навела со мной мои мосты.
Ты одна, не верится, что много
Мне в грядущем выпало любви,
Не гляди изысканно и строго
На дорогу в истинной крови.
Я иду. Один, не спотыкаясь.
Я иду. Навстречу ты стоишь...
Что за очарованная тишь
Нарушает боли жуткий хаос?!
Что ж ты хочешь высказать? Скажи!
Ты о чем мечтаешь? Поделись же!
Наострив дождя сырые лыжи,

Ты уходишь из дождя в дожди.
Ты уходишь – я не остаюсь,
Молча и тихонько сторонясь,
Нежно и привычно обнимаю...
Что ж ты плачешь, женщина немая?!

* * *

Давай, тебя напичкаю словами,
Давай, тебя помучаю словами,
Давай, тебя скручу словами,
Но все же обниму рукой.
Все это лишь слова! – так говорят
Презрительно порой, с пренебреженьем,
А я твержу: ведь это все слова,
Ведь это все не шутка, а слова.
Давай, тебя одену я словами,
Давай, тебя понежу я словами,
Давай, тебя побалую словами,
Но все ж губами в губы поцелую.
Я ужасаюсь: это все слова!
Я восхищаюсь снова: ах, слова ведь!
Я снова повторяю: да, слова!
Да, это все не просто так слова!
У слов моих твой запах, дорогая,
У слов моих вкус губ твоих, родная,
Из слов моих ты соткана, родимая,
Твой образ – это все мои слова!
И снова я люблю тебя словами,
И снова я томлю тебя словами,
И снова осыпаю я словами
И стать твою, и облик, и любовь.

* * *

Я слышу то, что пройдено...
«Согласно варианту!» - слышу вновь.
Теперь не прозвучит.
Моя шальная воля,
Служившая то к пользе зла, то горя,
Моею стала, только лишь моей.
Согласно варианту! Мир встает
И говорит покорные слова,
Я слышу оправдания, их шепот
Меня томит, гнетет и ужасает...
Я? Моя воля? Почему? Я –кто?
Нет, хватит, не хочу, силен иль слаб
Я для себя, я для своих, для благодарных
Мне за меня, любимых мной, прекрасных,
А не прелестных, чистых, а не мытых.
И все же я горжусь: три века все,
Услышав этот голос, трепетало
И слушало покорно и согласно:
Он прав всегда, несправедливо это,
И все же прав он, не стерпеть – он прав.
Я правым быть хочу, поэтому и прав,
Пусть плохо в этот миг творенья варианта,
Который сами вымолят они.
Все это в прошлом, не пугайся, счастье,
Мечта, не уходи, надежда, будь,
А впереди случайный свет рассвета,
А впереди случайная любовь –
Так. Не по плану. Но и я таков,
А честь моя чиста без всяких планов,
А совесть не воскресла, но живет,
А сердце не боится, но зовет,
Меня в мой дом.

Но в сравнении с тобою даже
Женщина эта уродлива.
Что же ты так огромна-
Может быть, места много?
Я крохотен – не боишься,
Что могу я тебя обтрогать?
Вкусны твои гостинцы,
Спасибо, Большая Рыбина.
Хочешь стихов этих вино,
Попробуй немного, выпей на.
Ну, что я не слишком бездарен...
Устал, а язык заплелся.
Как глупцы мне все надоели,
О, мира жалкое солнце!

Ламентация

Выезжает фельдмаршал на белом коне;
Готовы ли к бою солдаты?
А ну, кто смелей, давай ко мне
Нам вместе в атаку надо.
Идут. Он с ними. Нет, он среди них...
Как одинок мой измученный стих.
В далеких пределах восходит луна.
В огромных мирах я такой же, как все там...
Печатай петитом (о, как ты глупа) ,
А ваше, родная, печатай офсетом.
Боюсь и надеюсь – увидит ли в скобках? –
Я женщин любил лишь красивых и робких.

* * *

Есть в сромности такая красота,
Что даже бедностью ее прозвать бесстыдно...

Кто мне милей из женщин – разве та,
Которой за другими и не видно...
Но в краткий миг она родится в мир,
Заполонит, всех заслонит собою.
В борьбе неумной с этою судьбою
И я растерянно скрываюсь вмиг.
Как быть с собой? Зеленый цвет надежд
Вдруг обагрила краска предзакатья,
И голову готовый прозакласть, я
На шомпол страсти косточкой надет.
Облупился, но сердобольно гневно,
Безжалостно она зовет опять,
Чтоб нежно плоть, распятую объять,
Твердя на ушко глупости напевно.
И это скромность! Какова ж тогда
Нескромность во вселенных мирозданий?
Залысину прикрыв, глаза погладь –
Неужто все друг другу мы раздали!

* * *

Неужто нет иных цветов?
Все в радуге цвета, оттенки...
Среди миров, в огнях костров
На высях пиков и мостов.
В пространства молоке я – пенка,
Но я хочу туда, опять
Все изумленнее и дальше,
Взрасти травой, листвою опать,
Все эти корни отпаять,
Не останавливаясь даже.
Представить ли антицвета?
Так, значит, это все возможно?
Нормальна антикрасота

Цветами с внешнего куста,
Взволнованными жизнью мощно.

* * *

Я тебя от заботы отважу.
Как отвадить себя от обид,
Я с тобой подружиться отважусь,
Колотясь головою о быт.
Все слова я усвоил чрезмерно,
Словари все до блеска протер.
Вот поэтому слышу: неверно!
И поэтому вижу: позор!
А у музыки крылья свободны,
Хоть ни звука ее не сыскать...
Так в болезнь выхожу беззаботно,
Чтоб утешилась смертью тоска.
И последнее четверостишие
Уроню пред тобою без сил,
Потому что любовью растившей
Я березой тебя долюбил.
Потому что у сердца законы
Проще жизни деревьев и звезд.
Так цепляется солнце за кроны
Похудевших к закату берез.

* * *

И вот я говорю: привет, Иосиф?
Как ты живешь? О чем теперь мечты?
Былую нерешительность смети,
Надменным гоям дерзкий вызов бросив.
Да, я еврей и бороду не брея,
Согласен с обликом свободного еврея,
Свободного от зависти и злобы,

Бесстрашно одиночество беру,
Прижав ладонь к горячему бедру,
Крошу крушеньем подлости безлобой.
Вновь предо мной былиые поединки,
Прославленного дерзостью жида.
Рука, как прежде, дружески тверда
При встрече с незабытой палестинкой.
Красивых столько довелось видать,
Что в зеркало смотрюсь я с недоверьем?
За что такому? Не устал, видать?
Но в самом деле входит счастье в двери...
Э, погоди не так уж ты и плох,
Дела ведь не закончены, Иосиф...
Последнюю мечту и первый вздох-
Все берегу, лишь взгляд в окошко бросив.

* * *

Вечность еще не настала.
Время спешит потихоньку,
Дергая стрелки часов.
То по вселенной слоняясь,
То под ярмом продвигаясь,
То по-слоновьи, по-бычьи ,
То как живой человек.
То как звенящее пламя
Солнца, костра и звезды.
Ближе начало предвечной,
Неразделенной на части,
Незакрепленной в мгновеньях
Жизни нормальных людей.
Многое душу смущает,
Многое мозг лихорадит,
Но осторожно и четко,

Медленно и расторопно
Вечности стрелки взвожу.
Много еще предстоит мне
Дни благодатного быта
Этой тиранской планеты,
Остро пленившей людей.
Подлинны грозным скольженьем
Над безобразною грязью
Незамутненного мира
Пламени, горя и звезд.
Верю в тебя лишь, звезда.
Сердце, что любит, мечтает
Знает, и помнит, и ждет.

* * *

Я пуст, как пустое пространство,
Но скоро оно зацветет
Осенним, багряным убранством
В последний, неслыханный год.
Я мертв, как немая природа,
Но в ней, затаившись, живут
И острый лучок огорода
И перец, что дерзостно крут.
Я весь обещание жизни
В гряде ее весь устремлен
Как сын неоткрытой отчизны,
Как пасынок этих времен.
Измученной вечности омут,
Ты сердце мое и всегда
Тоскливой мечтою по дому
Слоняются эти года.
А в комнатах истины запах
И медленно носом вожу,

И вновь направляюсь на запад,
И снова восток сторожу.
И в сердце прекрасно и пусто,
И в теле томительный трепет.
И ветер любовь мою треплет,
Как факт одиночества грусти.

* * *

Одиночества не тая,
Констатирую осторожно:
Сам с собой – здесь лишь я да я,
Между нас разговор тревожный.
Снится ль в мире такой интим,
Ни единой у нас помехи,
Разговариваем, как хотим –
Без иронии и без смеха.
Только жжется. Контакт. Зажим.
Бьются искры и свищет пламя.
То ли мы за себя горим,
То ли мир запылал за нами.
Что ты хочешь, моя тропа,
Долго льешься, моя дорога,
Убиваю в себе раба,
Возрождая свободу жизни.

* * *

Я видел ложь и видел лживых:
Не стыдно ль им преуспевать?
Как кровь не почернела в жилах,
Как не отсох язык сперва?

Я смерть узнал, узнал убийцу:
Не страшно ль жить ему во мгле,

И преступление не снится,
Не ходит призрак по земле?

Я знал таких, что не солгали
Ни в первый, ни в последний час.
О вас стихи они слагали,
Особо закрывали вас.

Я знал достойных быть богами
На самой грешной из планет.
О них болтать мы избегаем,
Что толку – их давно уж нет.

Мне говорит усталый жулик,
Что смелых пуля не берет,
Его, наверно, обманули,
Ведь он труслив, и он живет.

И мне понять порою трудно,
Что на земле моей живут
Герой труда, а рядом трутни,
Гигант, а рядом лилипут.

Один твердит, что он безгрешен,
Другой святой, но вечно нем.
И кем-то вновь ярлык повешен,
И кто-то позабыт совсем.

И мной любимые от века
Слова изгажены лжецом.
Цветов изломанная ветка
Упала сором за окном.

Но вновь живу я, негодуя,
Одних любя, других кляня.
Любимых новых не найду я,
Как старость не найдет коня.

* * *

Я жил, я видел жизнь, и вся она в стихах...
Рассвет развеял мрак и белым светом стал,
Метнулись тени черные к подножию предметов,
И желтым был песок и серым хаос скал.
И море зелению обрызгало рассветы,
И голубое небо надо мной плывет.
Раскинув белый облаков безмерный парус,
Заря была багровой целый год,
Раскрашивая кровью звездный хаос.
Как ночи бесконечна синева,
Предмет любой окрашен по ранжиру.
Прозрачны звезды, зелена трава,
Порядок этот вечен в нашем мире.
Я видел каждый цвет, я жил, писал стихи.
Достоинство берег иль мне казалось это.
Я не приписывал другим свои грехи,
Учился петь, старался быть поэтом,
Немного красок, однозначных семь,
Не сосчитать однако их оттенков.
Мы жить хотим и нас пугает темь,
Роскошный дом губительней застенков.
Поэту нужен целый небосвод,
И вся земля, и все моря земные.
И облако, как парус, вдаль плывет,
И сердце рвется в степи золотые.
Я знаю жизни скорбные цветы,
И радости глубины мне известны,

Когда, прощаясь, говорят: «Прости!»,
Роня наземь истинную песню.
Единственная строчка мне нужна...

* * *

Я был во всем собой,
Пусть это было трудно,
Незримый и слепой
В моих рабочих буднях.
Безмерно молчалив,
Неслыханно болтливый,
Неудержимо жив
И мертвенно ленивый
Я противоречив
И странно согласован.
Во всем, что настроил,
Везде, где разрисован.
Как жалок мой портрет
И как глаза сияют,
И нет прошедших лет,
И годы воскресают.
Мне было больно жить,
Но умирать не легче,
Когда слова-ножи
Не ранят, но калечат.

И все ж благодарю
Судьбы неизмеримость,
Кровавую зарю
И недругов решимость.
Пусть труден вечный бой
За праздник яркой правды.
Я был во всем собой,
Лишь поседели пряди.

* * *

Я жизнь хочу сложить, как песню,
Чоб звук звенел о каждом дне,
Чтоб люди во всемирной пьесе
Твердили только правду мне.
Я разучил любовь по нотам,
Законы истины просты.
Пусть хлеб пропахнет нашим потом,
Чтоб детям крепнуть и расти.
Хочу, чтоб каждый современник
Отвык навек от воровства,
От подлости, от легких денег,
От недостойного родства.
Мне в этом мире нужно много:
Победа братства над враждой,
Познания долгая дорога,
Овеянная ворожкой.
И этих мыслей ни на йоту
Я никому не уступлю,
Когда пройду весь мир с блокнотом
И ради Слова все стерплю.

Всегда и снова о любви
(романтическая история)

1

Она пришла на краткое мгновенье,
Чтоб жизнь его любовью озарить,
Чтоб он посмел взглянуть благоговейно
На клад, что был в душе ее зарыт.
Сомкнулись руки и скрестились взоры,
Чтоб светлой нитью мир перевернуть.

Они за миг прошли огромный путь,
Все представленья о любви позоря,
Был этот миг всех верных книг светлей-
Корабль любви сошел со стаппелей.

2

Они любить незримое посмели,
Потупив взор и в сердце заглянув.
Меж тем плоды осенние поспели,
Вел счет секундам дятла тонкий клюв.
Усталые, как осень, птичьи стаи,
Предательски бежали от зимы.
Быть может спохватились поздно мы,
Небрежно книгу времени листая.
Но дней табун в грядущее гоня,
Зима затмила золото огня.

3

Над времени движением не смейся,
Оно тебя сильнее во сто крат.
Меняет форму с каждым часом месяц,
Чтоб синим светом в города стекать.
Несутся люди, обгоняя время,
Как будто вся вселенная спешит
К пределам мира. Звонок сердца шит.
Томятся звезды – пленницы в гареме.
Летят планеты, бронхами свистя
И к людям приближается звезда.

4.

Кто любит, за любовь свою в ответе.

Кто верит сердцу, не солжет вовек.
Спешит из чаши радости отведасть
Влюбленный, беспокойный человек.
Осмелившись любить столь беспредельно.
Не устрашится зла и суеты.
О чувстве не тверди мне все ты.
О, счастье! Ты прекрасно и бесцельно.
Любовь как звезды, как цветы в саду –
Кто вырвет с корнем светлую звезду?

5.

Звезда, вращаясь по орбите чувства,
Заставит верить в чистоту свою.
Во имя правды снится нам искусство,
Твердя: «Трудись, дождись и завоюй.»
О, как наивен этот ясный голос!
Пусть в мире был ты гениальней всех,
В любви запрограммировать успех
Нельзя: не сшить одежды без иголок,
Корову не полюбит сильный лев,
И львицу бык не приглашает в хлев.

6.

Столичный шум заставил их укрыться
В таинственной и дремлющей глуши.
Заваривали чай. Он пах корицей.
Смотрели в небо. Просто. Для души.
Метался ветер среди гор слоистых.
Река, гремя, неслась по валунам,
Светилась сквозь закат сперва луна
Среди печальных звуков голосистых.
И звезды в круг ложились помолчать,

Порою так горят глаза волчат.

7.

Шакалы завывали отдаленно,
Машины по дороге шли, пыхтя.
Как трудно научиться быть влюбленным,
К любимой осторожно приходя!
Ложились гор таинственные тени
На милое от радости лицо.
Он подарил ей узкое кольцо,
Но дни, как птицы, осенью, летели.
Поземкой ранней склоны серебра,
Кололо сердце острием ребра.

8

Законы сердца неисповедимы,
Страшнее смерти взгляд уже чужой,
Когда целуют молча нелюбимых
И неприязнью желтый жемчуг жжет.
Как губы походили на кораллы!
Напоминали зубы жемчуга!

Пылали маки. Уходя в луга,
Те двое, как заря любви, сгорали.
Казалось, не погубит их покой,
Лаская равнодушною рукой.

9.

Она твердила часто: видишь, пропасть.
Так знай: когда разлюбишь, я умру.
Но истекает у обоих отпуск,

Взлетают дни, как листья на ветру.
Рассеяны последние минуты,
Поспешным поцелуем не свести
Бегущие в грядущее пути,
Роняя чувств распавшиеся путы.
Последний миг – последний солнца луч.
Скорей прощайся, не тяни, не мучь.

10.

Мы от прошедшей радости зависим,
Привычно терпим, равнодушно время,
Не получая от любимых писем
И не встречая новый день вдвоем.
Былые встречи поглотили будни,
Размеренный порядок бытия
Не поломать во имя забвения.
Чтобы любить и верить беспробудно.
Стирает проза нежные слова
Стихами озаренные едва.

11.

Когда-нибудь завяжется иная
История девчонки и юнца.
Они сбегают, травы приминая,
По склону гор до самого конца.
Над пропастью она, быть может, скажет:
Запомни: позабудешь – я сгорю,
Уйду, упав в багровую зарю,
Звездой взойду над этим горным кряжем.
Тогда меня вовеки не сыскать,
Не пощадит тебя моя тоска.

12.

Я не смеюсь, хоть этот стройный парень
Героя нашего неугомленный сын.
Как жизни ход по временам коварен:
Подруги дочь уже в расцвете сил.
Но это все пока еще возможно,
Сойдутся ли – как можно угадать?
Пристало ли столь спешно угнетать
Сердца двоих развязкою тревожной?
Должно пройти еще немало лет,
Пока любви не ослабеет свет.

13.

Но лучшее, что в жизни знали двое,
В горах осталось, где бурлит поток:
Там яблоко, любовью налитое,
Там сердцу – обагрённый лепесток.
Века бессильны память изувечить,
Бессмертна правда о любви живой.

Любимая, вновь взгляд увижу твой,
Когда сойдет на землю теплый вечер.
Любовь неотделима от добра.
Как сердце – от адамова ребра.

14.

Зима взмахнула неба белизною,
Он в этот год впервые поседел,
Сказав «прости» любви полдневной зною,
Лишь вспоминая, он слегка светлел.
Безжалостно планета разлучила

Влюбленных, разбросав по городам.
В столице дни свои он коротал,
Она в деревне скуку изучила.
Они хотели встретиться, но тут
Война мужчин зовет на ратный труд.

15.

Четыре года был он командиром
Особого стрелкового полка;
Заслуженно отмеченный мундиром,
Тщеславия не ведал он пока.
Не всякому доверена защита
Священных, непреложных рубежей.
Железной нитью огненных траншей
Изорванных границ края защиты.
Страна всю силу фронту отдала:
Доверия прекрасны ордена.

16.

С годами забываются герои,
Но всех солдат безвестных имена
Неисчислимы. Шли по жизни боем,
Заветам ленинским вовек не изменя.
И каждый прикрывал стальной грудью
Своих любимых, родину свою.
Пред вашей памятью навтыяжку стою
Под канонаду праздничных орудий.
Вновь День Победы радостью звенит:
Любой герой любовью знаменит.

17.

Четыре года он мечтал о встрече.
Да и она все верила, ждала,
Со вздохом провожала каждый вечер.
Он жив остался, но вставала мгла
У глаз, от раны огненной ослепших.
Он спрятался, письма не написал.
Она все дни ходила на вокзал.
Солдат встречают раненых и пеших.
Но много лет им вместе не сойтись;
Не просто люди – судьбы разбрелись.

18.

Через десяток лет солдат приехал
Любимую хотя бы навестить,
Назло разлукам, ранам и помехам
Средь выстрелов в упор и навесных.
Давно уже у каждого семейство.
Их дети любят, я уж говорил.
«Что ты, солдат, с любовью сотворил?
Вы верили и ждали с малолетства.
Какая рана! Что за чепуха!»
Был ровен путь и вдруг – такой ухаб!...

19.

Когда смеется над людьми фортуна,
Они рыдают в возрасте любом:
О несвершенном сожалеет юный,
Не знавший, как губительна любовь.
От радости иль горя плачет старый,
Когда пред ним вся жизнь его встает.

Он снова грудью закрывает дзот
И телом тушит страшные пожары.
Для жителя столиц и городка
Жизнь в старости чрезмерно коротка.

20.

Она смеется: «Я жива поныне».
И плачет он: «Какой же я дурак.
Нет слепоты минутной и в помине:
С тобою рядом исчезает мрак».
Как долго эти двое проплутали,
Чтоб встретившись, расстаться навсегда.
Мы любим современных Навзикай
И верим в долг, как новые Плутархи.
Замкнулся дней таинственный овал...
Он в первый раз ее поцеловал.

СОНЕТЫ

1

Была б война, я в пропасть падая,
Увлеч бы за собой врагов
И родину свою порадовал
Паденьем подлых «храбрецов».

И пусть была бы мне наградюю
Свобода родины отцов
Не сладенькой Шехерезадою,
А гневом беспощадных слов.

Хочу отсечь я миф от правды,
Пусть будет жизнь моя в горах,

Как землепашца хлеб простой
Весь шоколад себе оставьте,
Я человек, я тоже прах.
Но заключенный в мир для правды.

2

Свобода гремит кандалами,
Свободы на свете нет,
Лишь отблеск ее за домами
Увидит высокий поэт.

Но вечно горит между нами
Таинственный тихий свет,
И прячется под словами
Ее невесомый свет.

Сегодня живем спозаранку,
Уходим, оставив в дому
От наших домашних костров
Лишь кости, бутылки и банки
Уходим от света во мглу
Еще неоткрытых миров.

3

Людей связующая нить
Чем обозначена она?
Как прошлое похоронить
Под грудой каменного сна?

Я не хочу людей слепить,
Пусть будут солнце и весна.

Но как мне в мире этом жить?
Таит опасность тишина.

Мне вновь тоска и пыль дорог,
Судьба обид и мир тревог-
Отца проклятье суждено.
А жизнь трубит в призывный рог,
И в песне не хватает строк,
И жизнь как горькое вино.

4

Зола упала на бумагу,
Изобразив могилу сна
Над нею мрачную корягу,
Могильный камень, как сосна.

Прости невольную отвагу,
Обидой не грозит она,
Отец, похожий на бродягу,
И я, как ржавая струна.

Мы оба были виноваты
За наше горе перед нами
Себя усталые рабы.
Рыдают слабые солдаты
И приукрашены словами
Дела коварные судьбы.

5

Говорят, мудрец древнейший
Ослепил себя когда-то,
Чтобы лучше видеть женщин,
Красоту души и брата

Доброту. Себя не тешу,
Но отчетливые даты
Мне, как звезды, в мире блещут,
Так и родина солдату.

Светит мирными огнями,
Светит милыми глазами
За походными кострами,
За неяркими мечтами.
Воцарилась Красота,
Стала явной Доброта.

6

По комнате летают строки,
Феерией цветов и света.
Мои мечты просты и строги,
И молоды, и безответны.
Душа взметнула слова строчки,
Поэмою рванулась ветра,
Но сердце барда стало стойким,
Не вычурным, а неприметным.

Слов шелуха так бесполезна,
Когда безрадостна она,
Окаймлена стеной железной.
Фонтанов наших крутизна,
Поэзия должна быть нежной,
Она иначе не нужна.

7

Бог, по преданьям крепким сущий,
Где существуешь ты. Ответь.

А ты молчишь, ты всемогущий –
Как можно столько зла терпеть?

Твоя рука, о, вездесущий,
Висит бессильно словно плеть,
А сатана хохочет пуше,
Ему нетрудно все уметь.

Живу, на бога не надеюсь,
И верить в бога не хочу,
И аккуратно каждый месяц
Я деньги сатане плачу.
Но дружба выше всех затрат:
Тот сатана – мой верный брат.

8

Море мира, штормовое море,
Песни одиноких моряков,

Черных волн на яростном просторе,
Бешенство, молчание и зов.

Не люблю наигранного горя,
Стонов престарелых мудрецов.
Я хочу, с природой грозной споря,
Быть без страха, цепи и оков.

Где же долгожданная свобода?
Двери запирая на засов,
Не ответит ключник из прореза,
Поскупится бросить пару слов.
И уйду я снова в непогоду...
Может быть, удачным будет лов?

9

Червь сомнения гложет
Душу живой земли.
День напрасно был прожит,
Значит, пора: умри!

Пусть в могилу положат
Только туфли мои,
Чтоб мечты мои тоже
Возродиться могли.

Песнь не будет напрасной:
Усомнился – пиши,
О любви и о счастье,
О бессмертье души.
Чаще с сыном встречайся,
Крепче сына люби.

10

Любовь даже мне как проклятье
И обречен я преданным быть.
Как сложно осужденным братьям
Встречаться и опять любить.

На мне опять простое платье,
Которым можно погубить,
Призвать к себе, раскрыть объятья
И ненароком задушить.

Люблю тебя и после смерти:
Хоть мною жизнь, как хочет, вертит,
Но я душой давно погиб.

А возрождаться все труднее.
Хоть занятые пламенеют,
Я – без тебя поганый гриб

11

Обращения к жизни порою
Обрекают меня на печаль.
Я все жду, что мелькнет за горою
Голубая и чистая даль.

Ты мне мамою стала второю,
Вот и мне твоей старости жаль.
Я могилу себе уже рою
И кинжальная лязгает сталь.

Я на жизнь свою мрачную дуось
И на маму свою молодую:
Ах, зачем меня создала ты?
Суждены мне и песни чужие
И родители все ж молодые
И увядшие в горе цветы.

12

Дом мой отчий,
Дом заклятый,
Вижу четче
Свои даты.

Гостя потчую,
Как брата.
Темной ночью
Виноватой.

В этом доме,
В полудреме
Жил бы я,
Знал законы.
Слышал стоны –
Ах, семья!

13

Фиксируй свет. Лови мгновенья сна,
Чтоб память разрослась, как лес густой,
Чтоб жизнь была не черной полосой,
А увлекательной, как ранняя весна.

Фиксируй жизнь. При этом точно знай,
Что счастье - по земному шару путь простой.
Дорога не бывает никогда пустой
И лучезарный свет таит для нас она.

И открывая мир опять в последний раз,
Приобщены с тобой мы к жизни вновь.
Для радости, для света наших глаз
Дарует нам земля свою любовь.
И падая весною ранней в грязь,
Впервые слышим мы – по жилам бьется кровь.

14

Я исторгаю желчный жуткий смех,
Я источаю невесомый свет.
Предпочитаю горе глупости утех
Пишу для счастья много-много лет.

Мечта о счастье, ты смущаешь всех,
Мне без тебя покоя нет и нет,
Но счастье одному – всечеловечий грех
И к одиночеству недопустимый след.

Я не был счастлив, но о счастье пел,
Твердил о дружбе, одинокий человек.
В траву бросался, утомясь от дел,
Но мир без счастья снова блек и блек.
Костер любви то вспыхивал, то тлел
И рок грозил бедою в токе рек.

15

Я высек искру. О, восторг!
Первооткрытия печаль.
Я не веду постыдный торг
И мне себя ничуть не жаль

Я просто посещаю морг,
Где сам себя в себе зачал,
Где радость правды вдруг исторг:
Любовь – начало всех начал.

Я распахнул фамильный склеп,
Чтоб в предков ветер жизнь вдохнул,
Мне показался слаще здесь
И вечности подземный гул.
И страх обычный был нелеп.
И жизни сном я вновь уснул.

16

Простая радость, обычный гнев,
Так новый человек возник.

Покинув материнский хлеб
Услышал с болью ее крик.

Узнал, как сладок черный хлеб,
С досадой слышал рьяный рык,
Когда на сцене прыгал гнев
И погонял его старик.

О, как он любит молоко
Добрейшей из коров на свете,
О, как он видит далеко,
Ведь мать родная ему светит.
Он с каждой ссорою легко,
Суть мира грязною приметит.

17

Стоял в передней богача
С протянутой рукой,
Не замечая сгоряча,
Что это дом родной.

Один из родичей молчал
И хмурился другой,
И вот пожатием плеча
Я изгнан в летний зной.

Прохладу мира я забыл,
Но вдруг опять мороз,
Мне сладко душу холодил
И снова жег до слез.
Меж крайностями я бродил,
Не видя чистых грез.

18

Я должен выразить себя,
Хотя бы на бумаге,
Когда мой брат, меня любя,
Скрестил со мною шпаги.

Он плачет, брата теребя,
Скулит он, как бродяга.
Его презрением гоня,
Спасает чья-то брага.

По жизни вместе мы пойдем,
Чтоб жизнью насладиться.
Весь мир нам это тесный дом,
Где гнезда свили птицы.
Мы будем жить простым трудом,
Чтоб в детство возвратиться.

19

Я вышел в сад. Дыханье легких роз
С моим дыханьем слилось воедино
Я здесь в саду, как стебель стойкий, рос
Среди кустов колючих и невинных.

Сентиментальны розы все до слез,
Я смерти здесь одолевал твердыню,
Когда в цветущий сад моих огромных грез
Ворвался ветер с ледяной вершины.

Ты детства свежесть первая, прощай!
Я ухожу неведомым путем.
Огромный путь, обетованный край,

Где я построил счастья чистый дом.
Будь красочною жизнь, как месяц май,
Цвети искусством и расти трудом.

20

Я вырастил розы
В укромном саду,
И мир был мне розов
В горячем чаду.

На севере грозном
В прошедшем году
Мне снег и торосы
Вещали беду.

Сбылись обещанья:
Я дома – в тоске,
Держу на прощанье
Ледышку в руке.
Дороги познания,
Еще вдалеке.

21

На путь познания вступил
(Тысячелетью дню тому)
И охладив мой первый пыл,
Обманщик-нищий нес суму.

Лед равнодушья растопил,
Дал пищу сердцу и уму
И сына бережно растил,
Чтоб было радостно ему.

О, первый человек земли,
Ты мне великий брат.
Ты был один, а мы могли,
Советуясь понять.
Дорогой верною мы шли
Или не так опять.

22

Сегодня все обычно
И ново все сегодня,
И с каждым днем привычней:
Душа моя свободна.

И гнев обиды личной
На щит я вновь не поднял,
И в суете столичной
Был смерти неугоден.
Бессмертным сердцем сильный,
И чувством весь в народ
Пред холмиком могильным,
Смеясь, разинул рот
И мальчиком чернильным
Меня мой сын зовет.

23

Что мне весь мир, когда в тоске
Сжимаю кулаки,
Опять дорога вдалеке
Опять не пустяки

.

Весь мир держал я на руке,
И были мне легки
На поэтической реке
Творимые стихи.

И снова все я потерял,
Чем жил, мечтал о чем
Несется трезвость на таран
И крушит жизнь и дом.
Упала балка в ресторан,
В котором мы вдвоем.

24

Он велик, как все люди,
Но и мал, как они.
Мне играли на лютне
Темной жизни огни.

Вдруг застыли, как студень,
Дни и ночи мои
И в несбывшемся чуде
Слышу песни любви.

Это просто и сложно,
Не могу передать,
Как меня осторожно
В жизнь вела моя мать.
Но и я с нею, возможно,
Был любезен, как знать.

25

Отчаянное песнопенье
Безумные стихи диктует.

Душа больная ночь целует,
Глаза болят от вдохновенья.

Вся жизнь, как краткое мгновенье,
Все вечность черная ворует.
И голубь мира мне воркует,
И нет к былому возвращенья.

Но нет усталости предела,
Нет отдыха от исступленья,
И поэтическое дело
Хочу приблизить к завершенью.
Как неподвижность чуткий телом
Мое молчанье - преступленье.

26

Обычный запах испражнений
Острил мои карандаши,
И для словесных упражнений,
И для признания души.

Поэзия без осложнений
Плывет в отрыве от земли:
Борьба за цели вожделий
Ведет по морю корабли.

Нельзя без запаха клозета
В открытом море обойтись,
И это не каприз поэта,
А мира нашего каприз.
Здесь содержимое сюжета
Ведет вперед – ни вверх, ни вниз.

27

Соленый запах шторма
Вошел в мои глаза.
Как едкость хлороформа,
Плывет в глазах слеза.

Нас жизнь несет и кормит
И промолчать нельзя,
Когда за бодрой формой
Вдруг – тайная слеза.

Несутся вспять дороги
И не видать в окне,
Чтоб горькие тревоги
Растаяли в огне.
В кровь натирая ноги,
Ползу я по стене.

28

Запах дома, запах едкий,
Слезы черные из глаз
И качает ветер ветки
И баюкает мой сад.

Плоть обычной табуретки,
Первобытный ужас в нас.
И решетка птичьей клетки,
И во мгле костры горят.

Мир, огромный и единый,
Заклоченный в скорлупу

И за каждой вершиной
На опасную тропу.
На дрейфующую льдину
Сыплет белый снег крупу.

29

По замкнутому кругу,
Ни дна, ни вышины.
Добро дарую другу
И беды не страшны.

Но вновь я слышу ругань
И вижу снова сны
И вдето тело туго
В рубашку для смирных.

Несутся вскачь по полю
Былого жеребцы,
И рвутся вновь на волка
Усталые отцы,
Хрипящие, как кони,
Усталые отцы.

30

Я вернулся, отвори мне дверь.
Песни жизни я принес с собой.
Глубину души моей измерь,
Прошное – как угольный забой.

Черпаю оттуда я теперь
Угол дня, поэзии живой.
И похвал не надо мне, поверь
Пониманье – идеал мой, а не бог.

Я от слов устал уже давно,
Дела ищет чистая душа.
Жизнь моя – как мертвое кино,
Годы словно листья сокруша.
Ни любви, ни друга не дано,
Ничего, и даже ни гроша.

31

Путник, я в пути костер разжег.
Подойди, погрейся у огня.
Расскажу о трудности дорог,
О заботах прожитого дня.

О свободе я мечтал, как мог,
Но несло течение меня.
Мне любой случайный сена стог
Был, как хлев уютный для коня.

Я откладывал удачи, беспокойства,
Я искал, судьбу свою искал.
И души особенное свойство
Побеждала бывшая тоска.
Мир великолепен, но и двойствен.
Состоит из моря и песка.

32

Для людей поют ручьи,
Для людей и песни птичьи.
Хоть стихи мои ничьи
В них земной души величье.

Песни сердца горячи
И свободны от безличья.
Весен черные грачи,
Мира праведный обычай.

Позабудь, поэт, тоску,
Песням птичьим научись,
Почерневших нежных скул
Осторожнее коснись.
Бегай чаще по песку,
Чтоб легко подняться ввысь.

33

Стихов безумная штамповка,
Ночей бессонных чернота,
Характера тугаяковка,
Несоразмерный труд крота.

О, горе людям слишком ловким,
Как отчуждения черта,
Их награждают за сноровку
Обидным прозвищем кота.

Размашисто и не таясь
Стихи усталые излей,
Как ручки чуткий перепляс,
Душа добрей, а сердце злей.
В конечном счете есть и в нас
Всепримиряющий елей.

34

Мои стихи писал народ,
Когда меня учили-
Теперь я знаю наперед,
Как жить в хорошем стиле.

Раскаяние мне несет,
Порывом белой пыли.
Мне жизнь усталая поет:
Нам все давно простили.

Да, все обиды прощены
В зародыше обид.
Просмолены мои челны
И новым путь лежит.
Хоть снов стихи мои черны,
Но крепок счастья вид.

35

Железа ржавый скрежет,
Металла бодрый бас
Поверхностное срежет
И осчастливит нас.

Огонь металл корежет.
И плавит горе глаз.
Но будущее держит
В плену в который раз.

Хоть времена смешались
Разнообразны дни,
И пряча плач и жалость,
Опять мы не одни.
Осталась только малость,
Чтоб стали ярче дни.

36

Я повернул глаза в нутро зрачками,
И душу освещаю, как могу.
Пускай любовь останется меж нами,
Поверь мне, что любовь я берегу.

В чужую дверь стучусь я кулаками,
В чужой вселенной я тебя не нахожу,
В моей душе любви тяжелый камень.
Тебя люблю. Тоску терплю. И вновь тебя ищу.

Дома смешались – где моя квартира?
Смешались души, но ведь жизнь одна.
Одна для всех, живущих в нашем мире,
Пускай опустится на город темнота.
И дважды два, конечно, не четыре,
А сколько, я не знаю, жизнь темна.

.

37

Раздался вскрик –
Хирург точней машины.
Он тело вскрыл
И не нашел причины.

Он карты крыл
Дыханием единым
И силой крыл
Добрался до вершины.

Но нет конца
Маневрам медицины,
Как нет отца

У малого мужчины.
Белки лица
Ликующей картины.

38

Я написал последний свой сонет
И ручку отложил, чтоб отдохнуть.
И вспыхнул ярким светом белый свет,
Мне в темноте указывая путь.

Я верю в свет и мыслям скорбных нот.
(О будущем не думаю) Так пусть
Мир будет утренним теплом согрет,
Так прячу я поглубже скорбь и грусть.

Так песней тешат маленьких детей,
Так прячет в страхе голову лиса.
Я тело папы вынес из дверей,
Но были бестолковыми глаза.
Теперь весь мир суровой и темней,
Но я прозрел и слышу голоса.

39

Поэзией не кормятся,
Поэзией живут.
Ремесленник не вспомнится:
«Артель напрасный труд».

Так карандаш надломится,
Когда им долго лгут.
Пусть мысль моя оформится,
Чтоб пламя создал трут.

Я не оговорился,
Что пламя создают.
Ведь так людьми творился
И городов уют.
Так каменные лица
Скульптурами зовут.

40

Мои стихи принадлежат народу,
От принадлежности я тоже не свободен,
И только потому всю жизнь в походе,
Исследую я камень, лес и воды.

Ищу в народе творчества черты.
Порой иные горечью горды
И вешают бумажные цветы
На острие придуманной звезды.

Хочу я видеть звезды только в небе,
Чтоб жизнь моя творила боль и небыль,
Чтоб хлеб мы называли просто хлебом.
Но жизнь людей заводит не туда,
Туманные чужие города,
Всего сильнее осознана беда.

41

Кричали родичи мои
И бились на земле.
И вырос я дитя любви,
Зачатый в мира мгле.

Огонь таинственной зари,
Заката красный плен
Меня от бед заговорил:
Былое – прах и тлен.

Учился жить я, но не жил,
Дорог не знал во тьме,
Свободной жизнью дорожил
И все любил в земле.
И брошен прах души в распыл,
Я ж спорил, как умел.

42

В проекции ортогональной
Я все стихи свои пишу.
И, чтобы быть оригинальным,
Расстаться с ними не спешу.

Взгляд спереди почти печальный,
Вид сверху – моря тихий шум,
А сбоку словом машинальным,
Фиксирую, что он угрюм.

О встрече дорогого человека
Я эти строки записал в горах.
Я молока благословляю реки,
Текущие в кисельных берегах.
И в широко распахнутые веки
Вливается свобода, а не страх.

43

Мои глаза – как два окна,
Распахнутые в мир,

И заключает тишина
Заката скорбный миг.

У всех людей земля одна
Мишенью для сатир.
Я был для братьев, как стена,
Был страшен мой кумир.

Земля объединила нас
И проклята она,
И был незрим опасный пласт.
Взорвалась резко тишина
И вздрогнул гневом черный час.
И рухнула стена.

*Сонеты, написанные под влиянием
знаменитых офортов испанского художника
Франсиско Гойя «Капричос»*

44

Представляется художник
Потому автопортрет-
Запыленный подорожник,
Достоверной тайны бред.

Все, что истинно иль ложно
И чему названья нет,
Он решил неосторожно
Из души извлечь на свет.

Так безумие карали
Гуманизма доктора,
Находя покой в серале

И страшась монастыря.
Повторимое едва ли
Сердце вспыхнуло вчера.

45

Кто любит только раз,
Не думает о браке,
Горя для милых глаз,
Не избегая драки.

Обманет напоказ,
Лаская ус и баки,
Наедине лишь грязь,
Кидая в сердце Пако.

Познав законы те,
Что созидают чувства,
Избрал я в темноте
Игралище искусства.
А в брачной тесноте
Фальшиво все иль пусто.

46

Кто испытал в начале страх
Не ведая игры и детства
И только материнский прах
Печально подберет в наследство.

Лишь темнота царит в горах,
Что родиною с малолетства
Я называл там «ох» и «ах»,
И смеха нет, и холод бедствий.

Как я мечтал, чтоб мой отец
Был повелителем Вселенной,
Но видел пагубный конец,
Ведь жизнь его была мгновенной.
Для сиротеющих сердец
Лишь греза будет неизменной.

47

Как много может человек,
Что не страшится наказания
Разгневанно бегущих рек
В моря безумного терзанья.

Глаза не скрыты сетью век,
Сей ум подвергнут обрезанью.
Мне жаль искусственных калек
За их погибшее дерзанье.

За бесноватые мечты
Пускай мой малый сын заглянет
И не боится высоты.
Но нежностью сравнится с ланью.
Страницы вечности пусты,
Когда мы в путь выходим с бранью.

48

Стыда достоин всякий грех,
Не будь распутен по-кобелю,
Но поднимать любовь на смех –
Скопцов великое веселье.

Рассудок тягостен у всех,
Судачащих в пылу похмелья.
Есть опьянения успех,
Тропе подобный над ущельем.

Будь смел в любви, но не стремись
Любимых покидать в дороге,
Ищи в глазах, влюбленных мысль
И бережно губами трогай
Волос неслыханный каприз,
И сердцем уподобься богу.

49

С самим собой наедине
Ты точен, как часы,
И даже видишь в седине
След утренней росы.

Но жизнь распахнута в окне,
У света есть весы,
Ты чуждым взглядом, как в огне
Раздет не для красы.

Но если знают о тебе
Чуть больше, чем ты сам,
Не открывай души толпе,
Ничьим не верь глазам.
Ведь неразумно о судьбе
Гадать по облакам.

50

Тебя, любимая, поганя,
Безумным взглядом довели

До ранга подзаборной дряни,
Где сны любви моей цвели.

Есть ослепительные грани
У глаз твоих, как у земли,
Что расцветает утром ранним
И манит с моря корабли.

В секрете нежности безмерной
Не посвящала чужаков
Была рассеянна и верно
Страшилась мелочных оков.
Но, жаль, великосветской черни
Не надавала тумачков.

51

Улыбка стоит дня дороже
И светит даже в темноте.
Разборчивою будь – о, боже! –
Ведь мир шалает в тесноте.

Ты заражаешь встречных дрожью,
Бездумно попирая тень.
Хоть целомудрена, но тоже
Виновна в бешенстве когтей,

Тебя хватающих. Ведь надо
Нам помнить о чужих страстях
И с бесноватыми пощады
Нелепо ожидать. Раз так
Для женщины любовь награда,
Благоразумие ж – костяк.

52

Есть неожиданная мука
Столь близкое навек терять,
Могучего мужчины руки
Бессильны мертвых оживлять.

Ведь не услышав сердца стука,
Нам рано руки потирать.
В желанную стрелять из лука,
В силки лукаво уловлять.

Все бесполезно. Есть законы
Сложней логических наук.
Любви суровые каноны
Превыше нежности и мук.
И все решает затаенный,
Случайный Одисеев лук.

53

Неравнодушный к славе рыцарь
Порой вскипает наобум,
И в споре проявить стремится
Свой пылкий нрав без должных дум.

Но сдержанным воздаст сторицей
Природа, если мир угрюм.
Умей столь преданно влюбиться
Чтоб струсить для любви, а шум,

Трескучий шум плута и дряни
Что сеть набросить норовит.
На голову твою, пространно

О ложной чести голосит.
Бесмысленно звучит: так пьяный
О трезвости твердит. Вот – вид.

54

Они порою побеждают,
Когда на одного втроем,
Из-за деревьев нападают
И похваляются потом.

Чужими жизнями играют
Вооруженные клинком,
И волка мне напоминают
С его воинственным клыком.

Кричат, добычу делят долго,
Звериной злобою хвалясь,
Острым изысканно и колко
И лоском ослепляют нас.
Но утаить повадки волка
Немыслимо от честных глаз.

55

Повесили. Умыли руки,
Ушли на отдых палачи,
Ну, что ж, избавленный от муки,
И ты, бедняга, помолчи.

Но запасаются от скуки
Зубами ведьмы и врачи.
Так труп послужит для науки
Ведь басни бесов горячи

В народной памяти, а тело
Прекрасное и дивный мозг
Быть может, потому висело,
Чтоб зубы взять прохожий мог.
Он видит все.Скрипит несмело,
Но весь слюной своей истек.

56

Хотя стремления нехитры,
Вульгарны у людей подчас,
Влекут к вину не декалитры,
Но радость соблазняет нас.

Слюну сомнительную вытри,
Смахни соринку с пьяных глаз,
И сам себя захочешь выдрать,
Глотнув кипящее.Толпясь,

Вокруг тебя друзья хохочут,
Враги злорадствуют в тени.
И кто тебя в идальго прочил?
Зовут: дружок, еще глотни.
Что ж, хоть и был напиток сочен,
Но веселились все ж они.

57

Глаза пресыщенных пусты,
Чтоб быть счастливым, надо сметь,
Не опасаясь нищеты
Над золотом возвысить медь.

Познанья скалы столь круты,
Что на любовь поднявший плеть
Уронит разум под кусты
И будет, нелюбимый, тлеть.

Рыдает мать, но хочет жрать,
Отец торгует телом девы,
И будет долго умирать
Дитя со взором королевы.
Я вижу все, но больно знать.
Бессилен я, но полон гнева.

58

Она твердит, как надо спать с любимым,
Бесполоая, сыта, чужую страсть
Переживая. Бесконечны зимы
И, чтобы воцариться, надо пасть.

Окутано свиданье глупым дымом
Театра в жизни. Остается красть
Исподтишка любовь. А пилигримы
Предпочитают ощущенья власть.

Одна из них стара и некрасива,
Полна желанья услужить другой,
Бегущей от беспечного порыва
Расхлестанной, лукавой и простой.
Как можно быть в стремлениях ленивой
И ослеплять унылой мишурой?

59

Две женщины. Два поколенья.
Две капли крови в мире зла.

Рассудка сожжены поленья,
А сердце девка в морг свезла.

Любовь продажная есть тленье
Прекрасной плоти. Ремесла
Такого не прикроешь тенью
Той нищей, что огонь дала.

Дыхание, глаза богини
Не для притона тесноты,
Где груды тел, лягушки в тине
И секса грубые кнуты.
О, нежность! Мерзок мир доньне,
Хоть людям дан для красоты.

60

Как ни рядись, видна натура
Твоей бесстыдной наготы...
Без принужденья, не понуро
Тщеславно ты спешишь в кусты.

Ты лошадиного аллюра
Сдержать не можешь, погоди,
Послушай не навек фигура-
Зачем живешь на свете ты?

Вот с тем ты спишь, а чем пополнит
Твоей мечты непостоянный день.
Швыряют без разбора волны,
Сухие щепки в тленья тень.
Твоей бездумности невольной
Виной всемирная мигрень.

61

Теряем разум. Все – блаженство.
И вот пылаем. Лишь в огне
Я постигаю: мир тождествен
Струне отзывчивой во мне.

Вино и разум – двоеженство,
Моя судьба, мой стыд и гнев.
Как жадно рвал цветы я в детстве
И сколько подобрал камней.

Глоток вина. Обломок счастья
Несутся в мозг из синевы
Земли и звезд. Грозит ненастье.
Весна зовет. Нам глубь травы.
Вино заманчиво, но часто
Оно способно отравить.

62

Бессмысленное трепыханье –
Великосветский карнавал,
Неопытных птенцов порханье,
Порока тягостный оскал.

Над обожженной гортанью,
Где красоты гремел хорал
Смешались нечистоты с дрянью,
Которую я целовал.

Ласкал, как боже – мать Христову
Неощутимо. И теперь
За адское иль божье слово

Душе истерзанной поверь:
Меня любовь лишила крова,
А боль замкнула сердца дверь.

63

Что бешенство мое питает?
Что заставляет мозг пылать?
Любовь – как лесенка витая,
С нее мне впору рухнуть в ад.

Обманутый не умирает.
Метлою машут – не пылят.
Ревнивы с виду увядая,
Самодовольно семят.

О, подлая, люблю до боли.
О, ненавижу. О, живи,
Не уходи – я всем доволен,
Зачем ты мало о любви.
Ты милая! Во мраке штолен
Ты – жаркий бес в моей крови.

64

За вновь испытанную боль
Моей негаданной судьбы
Благослови меня король
Бессильем мертвого судьи.

Грызете крылья. Это – роль.
Глаза наигранной грубы,
Но раны жгут и кровь, и то ль
Еще мне будет без борьбы.

Мою любовь, меня гнетут.
Я сам палач. Я сам судья,
Освободив себя от пут,
Обманчиво пленился я.
О, в этом мраке жертвы лгут
И тянет истины ладья.

65

Все тайны попораны продажей
Любви, творящей королей.
Подонки притворились стражей,
Чтоб извращать законы злей.

Бандит чиновником наряжен
И родины ему милей
Закутанные тонкой пряжей
Фигуры шлюх. Вина налей.

Я должен пить, мне надо света.
Как ночь темна! Испанцы, враг
Ведь ваших жен бесчестит где-то
Невдалеке, там есть овраг,
Где толпы женские одеты
И только покупатель наг.

66

Испания бесправна,
Беспечны короли,
Повеселились славно
И на покой ушли.

Преступницею главной
В насмешку нарекли

Рожденную от давней
Наследницы земли.

Так самобичеванья
Осознанный позор
Страну заполнил дрянью
До Пиренейских гор.
Испания –название
Страны, где правит мор.

67

Сегодня на троне,
Вчера на осле.
Привычки вороньи
В ее ремесле.

С почтением тронет
Ее пелеле,
Потом фанфаронит
И славит земле.

Безумия бездны,
Цветы и плевок.
Надушен помпезный
Дворянский грешок,
Но лгать бесполезно:
Все в общий мешок.

68

Утомившись от проказ
Сын снисходит до науки,
Где удар дает приказ
Взять учебник жизни в руки.

Но кувшин в который раз
Парню доставляет муки.
Искры сыплются из глаз,
Не стихают сердца стуки.

Осторожней, гибче будь,
Одели вниманьем дворик.
Здесь ты начинаешь путь,
Для рассеянных он горек.
Ты поймешь когда – нибудь
Смысл насилия и порок.

69

Два безбожных дикаря
И беспутные девицы
Открывают букваря
Сексуальные страницы.

Непочтением дарят
Недостойное, о, львицы!
Как стыдливая заря
Избегает эти лица?

Все раскрыто. Бычий хвост.
Ваша пошлость. Где оружие,
Чтобы выпрямиться в строй,
Соразмерный страшной стуже?
Где не видно ночью звезд,
Днем все тайное – наружу.

70

Его улыбка, как фонарь,
Лишенный звездного сиянья.

И голову кружит звонарь,
Соавтор глупого свиданья.

Глаза любимой сжег январь,
Грозит вселенной увяданье.
И снов бунтующий янтарь
Твердит о боли и страданье.

Ведь поцелуи без любви
Подобны разложению плоти,
И песни горькие в крови,
И безобразие полотен.
Кто автор здесь? Кричат: живи,
А город немощен и потен.

71

Все слышит дерево. Молчит,
Скрывает мир от обещастья,
Что означает тайный щит
От одинокого нищанья.

Игра в игру. Любовь горчит,
Ведь в ней грядущее прощанье.
Неумолимый аппетит
Готовит молодость к изгнанию.

Одна разумна вопреки
Стремленью старости к покою,
Другая шалью у щеки
Стыдливо борется с тоскою.
Твой мир в движении руки,
Будь честной со своей рукою!

72

Надменный жалок и смешон,
А бедный выглядит веселым.
Противоречий тех закон
Грозит грядущим новосельем.

Его свобода – явный сон,
Не растается он с постелью.
Ночной горшок – достойный трон,
Апатия – венец безделья.

Я знаю унижение слуг,
Хотя иной мне выпал жребий:
Не отпускать синицу с рук,
Что журавля рисуют в небе.
И замыкать презреньем круг
Дневного мытарства для хлеба.

73

Вцепился в кошелек скупец,
Надеясь до скончанья мира
Лелеять золотой телец
И быть избранником кумира.

Так, все надеется скопец
Мир покорить гнусавой лирой
И быть наперсником сердец
В глазах небесного сапфира.

Их наказать не может смех,
Ведь голосам они не внемлют
И ненавидят молча всех

И утомленно топчут землю.
Бессильных и пустых утех,
В них огоньки тусклы и дремлют.

74

Бесплатно всех и всюду
Без злобы и обид
Защитников и судей
Покорно усмирит.

От горечи и зуда
Без жительствова на вид,
Усталая от блуда
Болезнью наградит.

От юности бежала
И, смерти не страшась,
Она не обижала
Презрением на час.
Так сон ее без жалоб-
Бессмысленен подчас.

75

То ли дева непорочная,
То ли грешное дитя
Жизни странствие бессрочное
Начинает не шутя.

Но клоака быта склочная
Не замыгала любя.
Лишь тоска сковала прочная
Одиночеством тебя.

Неописанная камера
И безмолвия уют
Неосознанно и каменно
Неотцветшее гнетут,
Не любила б слишком пламенно,
Не мечтала б сидя тут.

76

Кто хочет есть, пускай научится
Блевать в тарелку и стакан,
Так на ошибках глупых учится
Лечить людей сей шарлатан.

Кто знает, может, так получится
От ядов из заморских стран
Заплатишь, если хочешь мучаться,
Не ведая борьбы и ран.

Ужасен смех больного лекаря,
Безумие – удел врачей,
Что обращаются с калекою,
Как будто миг его ничей.
Мизантропия – горе века ли
Иль вечен подлости ручей.

77

Лишенный дня впадает в сон,
Где заблуждения невзрачны
И виден мир со всех сторон.
Лишь здесь слепым ясней, чем зрячим.

Что этим узникам – фасон,
Покрой плаща. Все стены прячут,

Ведь здесь изысканный пижон,
Как все иные, спит и плачет.

Свобода телу не дана,
Так мозг в неслыханном разгуле,
И наполняет тишина
Больные перепонки гулом.
У каждого своя стена,
Свое самоубийства дуло.

78

Мягка в прекрасной ручке бритва,
Как будто нежной стала сталь.
И благодарные молитвы
Бедняге расточать не жаль.

Во благо обращая битвы,
Туманит нега и печаль...
О, дева! Потеряли стыд вы,
Приблизив близоруко даль.

Так радость станет вдруг тревожной,
Влюбленный крикнет: караул!
Все целомудренно безбожное,
А в малом разум вновь уснул.
Он в вас влюблен неосторожно,
Он предан и предатель – стул.

79

Если нежит пуховик
Твой покой прикосновеньем,
Ты не вспомнишь, что отвык
От бездомного мгновенья.

Этих не спасет ни крик,
Ни слеза. Лишь ветер тенью
Мчится, обжигая лик
Человека и растенья.

Безобразна красота,
Обреченная продаже.
В небе тусклая звезда
Нас не замечает даже.
Необжиты города,
Как красotka с тайным стажем.

80

Самодовольно безнадежен
И ярко выражен осел,
Другой, пожалуй, помоложе
И до предела не дошел.

Хоть не видать копыт и ножек
Нелепо прятать их под стол.
Бессмыслие надменной рожи
Оценит точно даже вол.

Иль хочется себя потешить
Солидным знаньем букваря.
Престиж в животном царстве бешен
И важно, как бы говоря:
«Учитель я, мой труд успешен»,-
Он притворяется не зря.

81

Один осел поет другому,
У идиотов нет имен.

Тщеславием навесив дрему
Глушит сознание племен.

А за спиной хлопки и гомон,
Кому иронии закон
Не обещал почтенья громом
И лицемерья перезвон?

Как мне знакома обезьяна
С гитарой задом наперед!
Самозабвенная, как рьяно
Аккорд фальшиво вновь берет,
Но публика слегка туманно
И одобрительно ревет.

82

Родословная животных
Похоронена в лесах.
Там они питались плотно,
Позабыв мгновенный страх.

Человек, ты ежегодно
Ворошишь золу и прах.
Предком славиться столь модно,
Что сжигают на кострах.

Самых смелых в наше время,
Видящих дорог изгиб
Новых. Как постыло стремя
Кляч, где мысли зов погиб.
Пусть отыскивает племя
Будущность людей – не глыб.

83

Два трупа за туманною кулисой,
Ведь уязвимы и больной, и враг.
Там все равны, актеры и актрисы,
Глупец и мудрый, здесь же хвост ты спрячь.

Меж нами всюду лишь ослы да лисы,
Больной в бреду, но лекарек незряч.
А уши на виду, он слишком лысый,
Потертый чересчур калач.

Грозит добить копыто пациента,
В науке он отъявленный злодей,
Взимая за вредительство проценты,
Агонии способствует людей.
Бездействие его сейчас бесценно...
Оставь больного, золотом владей.

84

Обезьяна знает дело,
И ослу не миновать
Смеха едкого. Лишь телом
Неуклюже все сновать.

Не позволит дури зрелой,
Хоть он будет изнывать
Сей осел безумно смелый
Научает замечать.

Свой позор самодовольных,
Безобиднейших вельмож,
Безобразных, хлебосольных,

Как ненужный нож тупой.
Разум их – смешно и больно-
Как он на других похож.

85

Под ослом согнувший спину,
Покорился – так не вой.
Не впервые господину
Вверен позвоночник твой.

Точно так позволишь сыну
Верноподанной травой,
На себе тащить скотину,
Быть машиною живой.

Будь смелей: тебе удобней
Сострить, чем ему сидеть,
Для чего ослице сдобный
Хлеб, ее каприз – как плеть.
До обители загробной
Гонит, лучше бы сгореть.

86

Достаточно забытья на палитре,
И сон цветной заполонит мой мозг
И ворожит воображенья гидра,
Сметая мира нереальный лоск.

Предметов ряд перевернуть нехитро,
Прольется в сердце солнца желтый воск.
Так музыкант, колдуя у пюпитра,
Преобразится сам. Не надо розг,

Чтоб испытать печали и восторги
Живущих в прошлом, если снится сон.
Родится целомудрие из оргий
И похоть – из плененья Дездемон.
Душой владеет бред безумно горький,
Хоть мной разумной кистью воплощен.

87

Беспощадных домовых
И бессовестных колдуний
Шепот погубил живых
Хоровод беспечно юный.

Ненавижу шорох их,
В звездопаде сна, в июне.
Крик Фортуны в сердце тих,
Ропщут неумело струны.

Голоса сплетают сеть,
Разбиваются предметы.
Не умеешь умереть,
Научись строчить сонеты.
Бьет по сердцу гнева плеть.
Оставляет желчи меты.

88

Нелепый и кровавый пир,
Несообразностей привычка.
Так ростовщичество вампир
Закона подчинит отмычку.

Король, идальго и банкир-
Вампиры все, иное кличка.

Не может златом наг и сир
Работник их карман допичкать.

Летает над собраньем мышь,
Как символ ремесла ночного,
Злорадствуют и верят лишь
Себе. И никого иного
Не признают. В их сердце тишь,
Любовь для них пустое слово.

89

Спесивы и чиновны
Подобия людей
И несуразны словно
Мерцание костей.

От гнева мести кровной
Немочный визг когтей.
И лишь любовь безмолвна,
Кто скажет: «На, владей!».

Покорно презирают
И сердце ни к чему.
Смеются, умирают,
Как в рай, спешат в тюрьму.
Коль разум догорает ,
Где веру я возьму.

90

Их съели. Кто увидит в бледных
И бывших тех учениках,
Что благодарны столь победно
Пред упырем, глотавшим прах.

Безумие в затылках медных
И непробитых знаньем лбах.
Достойных рыцарей наследных
Почтением коснулся страх.

Вновь матери несут младенцев
И просят глупости учить,
Не утирая полотенцем
Безвластия тягостную прыть.
Кто голову оставил в сенцах?
Кто смог гостиной дверь открыть?

91

Доносчик подобен гиене,
Бегущей за хищником вслед.
Кто мясо увидит в гангрене
Костей, излучающих свет?

Наушник по легкости пене
Порой не уступит. Завет
Позволит корове на сене
Во имя теленка истлеть.

А эти не просят пощады,
Не верят в любовь и борьбу.
Глупцу идеалов не надо,
Зверей не заманишь в избу.
Они не видны на параде
И могут ужалить в гробу.

92

Мне этих жаль слегка, поверьте,
В них человечье пламя есть,

Преуменьшенные до смерти
Они скрывают боль и честь.

Так письма не видны в конверте,
А в сердце не позволит лезть
Хозяин почты, боги тверди
И неба в них влагают месть.

За безобразие ошибки,
Заставившей убить сестру
И брата преданной улыбкой
Предать отчаянья костру.
Я захлебнулся б кровью липкой,
Разбив любви строжайший круг.

93

Не видеть, что глаза закроют,
Покорно разевают пасть.
Молчат, коль им могилу роют,
Стараясь поверней упасть.

Им не впервой, пускай умоют,
Убьют, накормят лишь бы власть.
Поспать, забыться, быть собою
Невыносимо – слаще власть.

Но кто же без лица и чести
Решает все за этих двух?
Зачем они собрались вместе,
Попарно испуская дух
Тлетворной слабости? Не счесть их,
Чей позвоночник мертв и сух.

94

Крестьянин, ты растишь зерно,
Лозу, доишь скотину.
Зачем? Отнимут все равно
Лакеи дворянина.

Здесь поле, пашня и гумно
И полные корзины.
Присвоил барин твой давно.
Безвластия картина.

Привычна всем. Не жди добра
От беспощадной дворни,
Поверь, что подлость – не игра
А наглость непритворна.
Несправедливость столь стара,
Что правда беспризорна.

95

Не судите меня за лохмотья,
За изрытое оспой лицо,
Ведь меня созидает не мода,
А любимой простое кольцо.

Взгляд, рассеянный странно наметан,
Хоть не знаю закона концов,
Но начало тряпьем из комода
Наряжает, смеясь, подлецов.

Почему же дитя поклонилось
Безобразной фигуре шута?
Как народ одурачить решилась

Бессердечной груди пустота?
Мне за этой пародией мнилась
Лишь нелепость пустого креста.

96

Что означает медицина
В устах народного врага?
Готовы собственного сына
Поднять невежды на рога.

Всеобщий голод. Карантины.
Болезни. Беды. Гнев в мозгах.
И в довершение картины
Ученой тупости разгар.

Слова срываются беспечно,
Всеобщих воплей дружен хор.
Аплодисментами навечно
Отмечен безобразный мор.
Но ослепленье быстротечно
Всех ждет в итоге – приговор.

97

Я в людях узнаю себя,
Мне быть похожим не по силам-
Над женщинами не сопят,
Кочуют скорбно по могилам.

О лицемерии трубя,
Хватают, рвут с тоской и пылом.
Не думают. Война. Судьба.
И все едино - сон разбили.

И спать желают. Жгут огонь
И тушат свечи. Отнимают
Грош бедняка. Потом в ладонь
Другому кошелек кидают.
Кричат: попробуй только тронь
И вновь друг друга убивают.

98

Поцеловать себя готова,
Поскольку не найти иных,
Хотя б соблазном золотого
Тельца очаровать живых...

Не королева, а корова!
Кокетство обезьян лесных,
Лишенных скипетра и крова
Превыше силы золотых

Продажной бабы. Нет забавы
В ее бессмысленных глазах,
Лишь похоть памяти и славы
Невыносимо грозный крах.
Испания, твоя отрава
Владычит на твоих костях.

99

Высокий самый из людей
Пред вечностью бессильно жалок,
Течение порочных дней
Гигантов бывших обидало.

Чистейшим был прелюбодей,
Законник удостоен палок.
И бесполезный чародей
Вонзил в себя обиды жало.

Смешает вечность крик эпох,
И обретут руины царства.
Всех лучше станет, кто был плох,
В рабов преобразится барство.
Большое состоит из крох,
А теснота таит коварство.

100

Зверь собрата оседлал,
Но толпа не замечает
Сановитых обирал,
Что томительно скучают.

Всадник – важный генерал,
Но его плебей катает,
И в душе его хорал
К человечности взывает.

Бедный и больной народ,
Боль Испании горячей,
Плетью гуманистов бьет
По глазам любви незрячей.
Кто не ведает забот,
Выбрал скуку и удачу.

СОДЕРЖАНИЕ

Стихотворения	3
Сонеты	116

Иосиф Бахшиев
Звёздное небо
Сборник стихотворений
Печатается в авторской редакции
Израиль – Россия, 2019